7Я семья и школа

4. 2011

Родители ищут хорошую школу
страница
4

Как помочь им вырасти
страница
27

Читайте малышам сказы Бажова
страница
32

Детские игры со всего света
страница
38

журнал для родителей

Фото Владимира Воронова

7Я
семья и школа

Журнал
для родителей
Основан
в 1871 году
Возобновлён
в 1946 году

На обложке:
фото Ильи Ципина

ЗАО Редакция журнала
«Семья и школа»

Генеральный директор
В. Ф. Смирнов

Главный редактор
П. И. Гелазония

Редакция журнала:
Т. Я. Кедрина
(досуг и быт),
Л. А. Комарова
(художественный
редактор),
Н. С. Мавлевич
(школа и общество),
Л. Ф. Осипова
(культура),
В. А. Рыбаков
(развитие
и воспитание ребенка)

Дизайн-проект журнала:
В. Е. Валериус

Предпечатная подготовка:
И. В. Аршанский,
О. В. Шорохова

Подписаться на журнал
можно с любого месяца
в любом отделении связи.

Электронные версии
вышедших номеров
размещаются
на сайте редакции
в последний день месяца,
которым датирован номер.

С анонсами
готовящихся к печати
номеров также
можно ознакомиться
на сайте редакции

Книжная редакция:
С. И. Сивоконь

Редактор интернет-сайта:
О. Л. Журавлева

Распространение:
Т. К. Чулкова

Обеспечение выпуска:
А. М. Бакланова,
Е. В. Угрюмова

Учредитель и издатель:
ЗАО Редакция журнала «Семья и школа»
Свидетельство о регистрации № 017036
Госкомитета РФ по печати

Адрес редакции:
129626 Москва,
улица Павла Корчагина, 7, строение 1
Телефон/факс: (495) 683-8614
e-mail: mag7a@narod.ru

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»
142300 город Чехов Московской области
e-mail: marketing@chpk.ru
Сайт: www.chpk.ru
Телефон: 8 (495) 988-63-87
Факс: 8 (496) 726-54-10

№ 4 (апрель) 2011
Подписано в печать 30 марта 2011 года.
Формат 60 × 90/8. Печать офсетная.
5 печ. л. Тираж 1700 экз. Заказ

В розничной продаже цена свободная

© ЗАО Редакция журнала «Семья и школа», 2011

В номере:

Советы и рекомендации

Борис Бим-Бад
Ликования в детстве и в зрелости
2

Всю жизнь не «проликуешь», как и не «прогорюешь». Но не о крайностях идет речь. Поговорим о довольно редких минутах или даже часах, когда детям и взрослым доводится испытать состояние необыкновенного воодушевления, внезапного счастья, беспричинной радости

Елена Никитина
Ищем хорошую школу… Но что это такое?
4

Любой более-менее ответственный родитель стремится отдать своего ребенка в хорошую школу. Однако каждый вкладывает в это понятие свой смысл...

Повод к размышлению

Вокруг развития и воспитания
6

Новое о хорошо знакомом и еще не знакомом

Ги Жильбер
Поговорим о твоих сорванцах
27

С трудными подростками и молодыми людьми французский священник работает уже сорок пять лет: «Моя задача — помочь им вырасти в смысле практическом, моральном и эмоциональном»

Чтение

Алексей Кара-Мурза
«Либерализм и европеизм — часть русской почвы
8

Сто пятьдесят лет назад в России было отменено крепостное право. По случаю юбилея на разных уровнях сказано много разных слов, из которых явствует, что в обществе до сих пор нет согласия в оценке этого события

Людмила Самойлова
Нюра
Рассказ
11

Людмила Петрушевская
Подарок бабушки
Рассказ
16

Фрида Вигдорова
Девочки (дневник матери)
22

Продолжаем публикацию книги замечательной писательницы, педагога, публициста

Ася Петрова
Назад, скорей назад! Принц Моцарт
Рассказы
30

Мариэтта Чудакова
Про тайны малахитовой шкатулки
32

Среди книжек, которые можно начинать читать вслух уже двух-трехлетним малышам, — сказы Бажова

Нина Демурова
Нечаянная встреча
34

В семье Федора Сергеевича Булгакова

Лия Осипова
Картинная галерея: Вермеер
48

Домашние занятия

Кормим детей вкусно
44

Игры со всего света
45

Их можно устроить и дома, и на свежем весеннем воздухе

Ликования в детстве и в зрелости

Борис Бим-Бад

Всю жизнь не «проликуешь», как и не «прогорюешь». Но ведь не о крайностях идет речь. Давайте поговорим о довольно редких минутах или даже часах, когда детям и взрослым доводится испытать состояние какого-то необыкновенного и непременно ничем не вызванного воодушевления, внезапного счастья, беспричинной радости, — состояние беспредельного и безвременного очарования.

«Радость безмерная —
Нет ей причины.
Санта Лючия!
Санта Лючия!»

В ранние годы. В качестве примера воспользуемся коротким, но очень выразительным рассказом Чехова «После театра». Предмет этого произведения — чувство «беспричинной радости» в душе Нади Зелениной, героини рассказа («давали “Евгения Онегина”»). Ей было шестнадцать лет, и она еще никого не любила, но она «поскорее села за стол, чтобы написать такое письмо, как Татьяна».

«Надя положила на стол руки и склонила на них голову, и ее волосы закрыли письмо. Она вспомнила, что студент Груздев тоже любит ее и что он имеет такое же право на ее письмо, как и Горный. В самом деле, не написать ли лучше Груздеву? Без всякой причины в груди ее шевельнулась радость: сначала радость была маленькая и каталась в груди, как резиновый мячик, потом она стала шире, больше и хлынула как волна. Надя уже забыла про Горного и Груздева, мысли ее путались, а радость все росла и росла, из груди она пошла в руки и в ноги, и казалось, будто легкий прохладный ветерок подул на голову и зашевелил волосами. Плечи ее задрожали от тихого смеха, задрожал и стол, и стекло на лампе, и на письмо брызнули из глаз слезы. Она была не в силах остановить этого смеха и, чтобы показать самой себе, что она смеется не без причины, она спешила вспомнить что-нибудь смешное.

— Какой смешной пудель! — проговорила она, чувствуя, что ей становится душно от смеха. — Какой смешной пудель! ...Она стала думать о студенте, об его любви, о своей любви, но выходило так, что мысли в голове расплывались, и она думала обо всем: о маме, об улице, о карандаше, о рояле... Думала она с радостью и находила, что все хорошо, великолепно, а радость говорила ей, что это еще не все, что немного погодя будет еще лучше. Скоро весна, лето, ехать с мамой в Горбики, приедет в отпуск Горный, будет гулять с ней по саду и ухаживать. Приедет Груздев. Он будет играть с нею в крокет и в кегли, рассказывать ей смешные или удивительные вещи. Ей страстно захотелось сада, темноты, чистого неба, звезд. Опять ее плечи задрожали от смеха и показалось ей, что в комнате запахло полынью и будто в окно ударила ветка.

Она пошла к себе на постель, села и, не зная, что делать со своею большою радостью, которая томила ее, смотрела на образ, висевший на спинке ее кровати, и говорила:

— Господи! Господи! Господи!»

В «беспричинной радости» все притягивает, все наполнено «светом», но непонятно, «в чем», «где» находится источник несказанной радости.

В состоянии «беспричинной радости» человек уподобляется мифическому царю Мидасу, с тем, правда, существенным отличием, что последний своим прикосновением все сущее превращал в золото, а человек в расположении «беспричинной радости» все, на что только ни взглянет, превращает — «как по мановению ока» — в прекрасное и возвышенное. Так считает современный самарский философ Сергей Александрович Лишаев.

Герман Гессе описывает подобное состояние у мальчика, случившееся с ним в горах, на берегу синего озера, на рассвете. «Мальчик, проникшийся торжественной красотой этого мгновения и счастливым чувством своей молодости и силы, расправил тело ритмичными движениями рук, за которыми последовало все тело, чтобы отпраздновать начало дня и выразить свое глубокое согласие с колышущимися и сияющими вокруг стихиями восторженным танцем.

Шаги его то летели навстречу победоносному солнцу в радостном поклонении, то благоговейно от него отступали, распростертые руки привлекали к сердцу горы, озеро, небо, казалось, что, становясь на колени, он поклонялся матери-земле, а простирая ладони — водам озера и предлагал себя, свою юность, свою свободу, свою пылающую живость в праздничный дар первозданным силам.

...Не понимая, что с ним творится, мальчик и сам охвачен этим восторгом. Танец, который он исполнял, не был знаком ему, таких телодвижений он никогда раньше не делал; ритуал торжества в честь солнца и утра не был привычным ему... Не зная, что он делает, без рассуждений и без недоверия, он делал то, чего требовал от него этот блаженный миг, — облекал в танец свой восторг, молился солнцу, выражал в самозабвенных движениях и жестах свою радость, свою веру в жизнь, свое смирение и благоговение, гордо и в то же время покорно приносил, танцуя, свою благочестивую душу в жертву солнцу и богам...

Все это, как и опьянение светом восходящего солнца, длилось лишь несколько минут». («Игра в бисер», перевод Соломона Апта.)

Мне в детстве тоже было знакомо «накатывание» необъяснимого вдохновения. И эти моменты запомнились мне на всю жизнь и, осмелюсь заявить, ее украсили. Когда студентом я вычитал в хрестоматии по античной литературе строчку древнего поэта «Мне не кажется трудным до неба дотронуться», я сразу вспомнил подобное (конечно, значительно менее интенсивное) ощущение, испытанное мною в одну из школьных весен.

В повести «Невыносимая радость бытия» современный писатель Сергей Константинович Данилов точно описывает детские переживания интересующего нас толка:

«Павлику было шесть лет, когда однажды вечером он вдруг ощутил полное и глубочайшее счастье, свалившееся на его голову неведомо откуда...

Павлик чувствовал восхитительный прилив воодушевления, связанный с завтрашним днём, как будто перед Новым годом или днём рождения. Ему хотелось говорить и говорить всю ночь напролет...

Воскресный день настал внезапно. Он вскочил, уже пребывая в радостном настроении, будто к чаю его дожидается сладкая шоколадка.

Хочется орать, скакать, прыгать от неминуемого приближающегося счастья. А люди спят в домах, все как один спят, и такая светлая, в зеленых тополях,

С. Ю. Жуковский
Радостный май
1912

будто умытая, чудесная в своей утренней первозданности, улица пустынна. Он скачет по ней приставным шагом из конца в конец квартала. Никого. Настоящее изуверство — это когда человеку не с кем поделиться наступающим счастьем, общим для всех. Спать в такой день! В воскресенье!

Взрослые не понимают счастья. Они не так устроены. Людка бы его сразу поняла. Кстати, как это он забыл, ведь сегодня воскресенье, а в воскресенье они собирались идти в библиотеку менять книжки. Людка уже окончила первый класс и между делом научила читать Павлушу, которому осенью тоже предстоит пойти в школу.

Он отыскал две библиотечные книжки, перелистал: всё в порядке, боже мой, как чудесно будет сегодня! Пока мать печет пирог, он прочел ей обе книжки...

Потом была песчаная буря. Вдруг солнца не стало, но еще кое-что видно сквозь пыльную мглу вокруг, и они с Людкой схватились за руки и помчались куда-то так быстро, как только могли, подпрыгивая и необыкновенно высоко взлетая.

Вместе запели ужасно громкую песню-крик, пока кругом совсем не почернело... Но радость от этого ещё более возросла, сделавшись неимоверной.

Они кружились и кружились, и кружились, как две пылинки в общем бешеном круговороте, и ничего, кроме этого движения, не осталось в жизни, но именно оно доставляло самое гигантское наслаждение».

Взрослые. Ликования, как и вдохновение, составляют драгоценную часть нашего жизненного опыта и в зрелости, и в продвинутые годы. «Вдохновение входит в нас как сияющее летнее утро, только что сбросившее туманы тихой ночи, забрызганное росой, с зарослями влажной листвы» (Константин Паустовский). В эти минуты человек полностью примиряется с миром:

Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубые небеса!..
О, если б мог всю жизнь смешать я,
Всю душу вместе с вами слить,
О, если б мог в мои объятья
Я вас, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!
Как горней бури приближенье,
Как натиск пенящихся вод,
Теперь в груди моей растет
Святая сила вдохновенья.

(Алексей Константинович Толстой).

Чаще всего состояния нечаянной радости бывают у людей искусства. Таково, например, упоение Якова из рассказа Тургенева «Певцы»: «Песнь росла, разливалась. Яковом, видимо, овладевало упоение: он уже не робел, он отдавался весь своему счастью; голос его не трепетал более — он дрожал, но той едва заметной внутренней дрожью страсти, которая стрелой вонзается в душу слушателя, и беспрестанно крепчал, твердел и расширялся... Он пел, совершенно позабыв и своего соперника, и всех нас, но, видимо, поднимаемый, как бодрый пловец волнами, нашим молчаливым, страстным участьем!»

Но, как справедливо замечал философ и поэт Владимир Сергеевич Соловьев, «хотя не всем одинаково свойственно испытывать такой подъем духовной деятельности, но безусловного различия между людьми в этом отношении признать невозможно; некоторая степень вдохновения необходима для успешного исполнения всякого человеческого дела». В таком особом состоянии человек способен к наиболее интенсивным, целесообразным и ценным по внутреннему достоинству действиям. К примеру, – действиям косаря:

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Как пчелиный рой!
Молоньей, коса,
Засверкай кругом!

(Алексей Васильевич Кольцов)

От воспитания требуется бодрость и спокойствие. Очень ценно бережное отношение воспитателей к радости ребенка. Замечательный психолог Евгений Аронович Аркин не зря напоминал нам: «Педагог должен осознать огромное плодотворное значение жизненного оптимизма для воспитательной работы и культивировать его в себе. Это — здоровая атмосфера, к которая должна проникать во все поры жизни ребенка, наполняя ее бодростью и заражая его жизнерадостностью. Эта здоровая атмосфера в значительной мере создается правильным поведением воспитателя, всей его личностью.

Не надо требовать от воспитателя шумного веселья, раскатистого смеха, но успех его работы связан с радостным восприятием жизни во всех ее многообразных проявлениях и твердой, спокойной уверенностью в своих силах.

Бодрый, спокойный тон, стройная поза, плавность и ловкость движений... — вот черты воспитателя, которые для правильного воспитания детей имеют совершенно неоценимое значение».

Ищем хорошую школу… Но что это такое?

Елена Никитина

Любой более-менее ответственный родитель стремится отдать своего ребенка в хорошую школу. Однако каждый вкладывает в это понятие свой смысл, мнение детей может не совпадать с мнением их взрослых родственников, а суждения последних — диаметрально разойтись с точкой зрения друзей и соседей.

По идее, лежащей в основе территориального принципа организации образования в нашей стране, школы не могут быть «хорошими» и «плохими». Они просто должны быть на расстоянии не более полукилометра от подъезда, где живет ребенок, и при этом обеспечивать преподавание всех предметов, включенных в государственную программу.

Действительно, близость к дому — очень существенный и едва ли не основной фактор, особенно пока ребенок ходит в начальную школу. Если уж приходится учиться не «по микрорайону», то, по крайней мере, желательно делать это недалеко или хотя бы с удобной дорогой. Важно, чтобы в крайнем случае даже первоклассник смог самостоятельно вернуться домой.

…Надя полагала, что отвозить детей в школу будет муж, а забирать — она сама, на машине. Но когда старший учился в четвертом классе, а младший — в первом, она получила очень серьезную травму. О поездках за рулем пришлось забыть на несколько лет. Дорога детей домой стала выглядеть так: пешком до трамвая — на трамвае — переход через дорогу — троллейбус — переход через две дороги — подъезд. Даже под руководством ковыляющей мамы тащить через сугробы портфели и мешки со сменкой, «изо» и «физрой» — тяжело и опасно.

Зарубежные ученые тоже за близость школы к дому. В Швеции, к примеру, считают, что «транспортная усталость» развивается уже через 42 минуты поездки; при этом имеется в виду вовсе не наш общественный транспорт, а их весьма комфортабельный школьный автобус. Вообще же психологи говорят о перспективности снижения временных затрат на дорогу до 20 минут — и это применительно к взрослым людям, а вовсе не к младшим школьникам!

Нам же зачастую приходится выбирать: будет ребенок ходить в ближайшую школу, впустую тратя там время, или станет ездить «за знаниями». У более старших, выбор, как правило, за вторым вариантом.

…Родители нашли Ане школу всего в четверти часа езды от дома, да еще с «дополнительным образованием». Эти уроки — пение, изо, хореография, бальные танцы — были включены в общее расписание, и к трем часам дня родители получали «натанцованных», «нагулянных» и накормленных обедом детей.

Однако к третьему классу однажды нагрянувшая комиссия велела перенести «допы» на пятые-шестые уроки; учителя по пению-танцам стали увольняться, хотя вся администрация и оставалась на своих местах. С уходом «творческих» преподавателей прекратились отличные праздничные концерты, да и в самой школе изменилась атмосфера. К седьмому классу родители предложили дочери перейти в другую школу. Теперь у нее опять горят глаза, только вот дорога занимает теперь больше часа в один конец: автобус — метро с пересадкой — пешком.

Фото Ильи Ципина

Понятно, как важна первая учительница, которая не доведет до невроза. Но, отдав ребенка в класс к «хорошему учителю» и даже успешно обучая у него одного ребенка, нет гарантии «угадать» со вторым. Причины здесь могут быть как субъективные — изменение жизненных обстоятельств учителя и, соответственно, отношения к работе и ученикам, — так и объективные.

Психологам известен так называемый «закон нейропсихологического соответствия учителя и ученика», устанавливающий зависимость успеха обучения от типа организации мозга его участников. На практике это выглядит так: учитель любит того, кого умеет научить. Если же возникают проблемы, то педагог подсознательно объясняет их не своей неумелостью, а неспособностью ученика. Родителям, особенно если они уверены в своем ребенке, следует учитывать вероятность его «несовпадения» с учителем, чтобы успеть вовремя найти другого педагога.

Но до высоких «психологических» материй ситуация может и не дойти. Так, у Ксюши проблемы начались практически с 1 сентября. Рыдала она каждый вечер, приводя в отчаяние родителей. Ребенок не мог выносить крика учительницы, причем на нее саму голос никто ни разу не повысил. После первой четверти первого класса родители забрали ее из этой школы.

Некоторые школы сейчас работают не по традиционным (их еще называют объяснительно-иллюстративными), а по авторским методикам. В них обычно учтены возрастные психофизиологические особенности детей, а потому они более эффективны, что доказано полувековым опытом их применения. Кроме того, при такой системе обучения детям практически не задают домашних заданий и всю начальную школу (а не только первый класс) не ставят оценок в привычном смысле слова. Однако надо иметь в виду: при необходимости перейти в другую школу надо будет найти ту, которая работает по такой же или сходной методике, — иначе ребенок просто не сможет учиться. Кроме того, ощущая некую «элитарность» своего учебного заведения, учителя иногда открыто заявляют о том, что они намерены

учить всего небольшую (скажем, десятую) часть учеников, остальные — балласт; на них и времени тратить не стоит. Среди «перспективных» при таком подходе окажутся один-два ученика в классе. Есть гарантия, что ваш ребенок окажется избранным?

Не менее качества обучения важна безопасность. Не во всех школах имеются огороженный двор и запертые ворота, за которыми наблюдает охрана. Кроме того — и это новость последних лет — сотрудники школы нередко формально трактуют временные рамки, в которых они несут ответственность за детей. Когда задержавшийся в раздевалке третьеклассник Данила еще и рассадил в дверях бровь, медсестра, глянув на часы, объявила: пятый урок двадцать минут как закончился, а поэтому помощь она оказывать не обязана. Напротив, имеются школы, где даже охранник на выходе квалифицированно проследит за малышом: с кем, куда, насколько тщательно одетым он уходит.

Для более старших ребят, по мнению многих взрослых, лучшая — это любая спецшкола. Правда, в языковой школе надо учиться с самого начала — «потом» перейти в нее не получится. Хорошая языковая спецшкола сейчас дает детям возможность изучить несколько языков (два обязательных плюс факультативные), посылает учеников по обмену за границу для практики.

В неязыковых спецшколах специализация начинается класса с восьмого, редко — с седьмого. Такие учебные заведения (или отдельные классы) могут быть с техническим, гуманитарным, естественным уклоном. Здесь важно наличие у школы договоров с различными вузами (чем больше, тем лучше), в рамках которых со школьниками работают институтские преподаватели.

Важно и то, как давно школа стала спецшколой (особенно с достаточно экзотической специализацией) и в какое время считалась «хорошей». Эти вопросы надо прояснять отдельно, чтобы не поступить, например, в «биологическую школу», из которой давно уволился человек, при котором она обрела этот статус, — от той поры осталось только название. А мама ныне 35-летнего сына, окончившего в свое время школу, лучше которой и желать было невозможно, рассказала: недавно она увидела прямо напротив знакомого крыльца оборудованное с соблюдением всех противопожарных правил и армейских традиций… место для курения — с пепельницами и лавочками.

Очень важно пользоваться заслуживающими доверия источниками информации. Самый достоверный, но требующий критичного подхода, — родители, ученики, выпускники привлекшего внимание учебного заведения. Следует постараться получить от них как можно больше именно фактов и отвлечься от эмоциональных оценок. Так, одна мама, нахваливая школу, где учатся ее дочери, показала сборник упражнений по русскому языку в сантиметр толщиной — за неделю каникул младшеклассникам предстояло выполнить все. Родительница довольна: педагоги не оставили ученикам времени на «безделье». Но это ли основная задача школы?

Понятно, что к бездоказательным рассказам о «лучших школах» и «лучших учителях» следует относиться с осторожностью, хотя наличие преподавателей высшей категории, с учеными степенями, имеющих государственные и профессиональные награды, а также различные награды самой школы вполне могут оказаться хорошим знаком. А могут — с равной, если не с большей, долей вероятности; и наоборот.

Многие школы сейчас имеют сайт в Интернете. Внимательному человеку культура его исполнения, открытость самого учебного заведения, доступность администрации для контакта могут сказать очень многое. Причем обмануться не позволит даже использование так называемого «конструктора сайтов» — к нему так или иначе надо прикладывать голову и умение. А вот на форумах учеников и выпускников по каждому вопросу присутствуют, как правило, лишь два диаметрально противоположных мнения, но и из них можно извлечь некую полезную информацию, — если, допустим, в одном контексте один и тот же учитель упоминается несколько раз.

Только ли вокруг Красной площади сосредоточены хорошие школы? Отнюдь. Много лет назад в 6-й школе города Бугульмы (это в Татарии) работал математик — любимец учеников, талантливейший методист. Рассказывают, что в Казанский университет его выпускников принимали уже за то, что они учились «у Ефремова», да и с поступлением в МГУ у этих ребят проблем не было. Так что не только в пределах Садового кольца, но и на столичных окраинах, и в глубинке вполне возможно получить достойное образование.

Просто «поступление в школу» — это действительно важная веха и ответственное событие для любой семьи. А потому, готовясь к нему, всегда желательно иметь запасной вариант — на случай, если не сложатся отношения, если окажется трудно вставать на полчаса раньше, если придется переехать или у родителей изменится режим работы…

Вокруг развития и воспитания

Новое о хорошо знакомом и ещё не знакомом

Эффект Пилата доказан экспериментально

Психологи называют этот эффект когнитивным диссонансом, хотя лучше подошло бы «эффект Пилата». Эффект состоит в желании самооправдаться после принятого решения — даже не обязательно важного. Выходя из вагона метро на новой для нас станции, мы выбираем, пойти направо или налево, чтобы попасть к желаемому магазину. Мелочь, но ошибаясь, мы оправдываемся: зато немного прошлись, а это полезно.

Символом такого самооправдания стало знаменитое умывание рук Пилата после согласия на казнь Иисуса. А психологи из Мичиганского университета показали, что мытье рук — не символ, а именно способ самооправдания.

Эксперимент был поставлен таким образом, чтобы 40 студентов-добровольцев не догадались, что именно изучают психологи. А те попросили студентов просмотреть 30 небольших сюжетов на CD и проставить им оценки. Добровольцы думали, что изучаются именно сюжеты, и добросовестно составляли рейтинг. А затем им предложили оценить качество мыла, причем половина испытуемых только разглядывала этикетку, а другая половина еще и вымыла руки с этим мылом. После чего удивленных студентов попросили снова расставить оценки тем же сюжетам. Не мывшие рук студенты, беспокоившиеся о справедливости принятого ранее решения, захотели его усилить, для чего повысили рейтинг «хороших» сюжетов и еще ниже опустили «плохие». А последователи Пилата все оставили как есть.

Такой же эффект проявился в эксперименте с оценкой вкуса джема, причем студенты не пробовали его, а ориентировались только на цвет и текст этикетки. Потом половине добровольцев предложили вытереть руки антисептическими салфетками и (уже всем добровольцам) снова расставить оценки джему, но попробовав. «Грязнули», точно так же повысили рейтинг «хороших» джемов и понизили рейтинг «плохих» — явно оправдываясь за свой предыдущий выбор. А «чистюли» не считали нужным оправдываться и просто подтвердили свое решение. Вот и Пилат, судя по всему, ни разу не усомнился в правильности назначения крестных мук Иисусу.

Самолеты пересекают и пространство, и время

Таблетка от разницы во времени

При перелете на большие расстояния и пересечении нескольких часовых поясов у путешественников возникают проблемы, связанные с нарушением режима сна и бодрствования (так называемый джет-лаг). Туристы, улетающие из Москвы на отдых в Доминиканскую Республику, испытывают лишь некоторое недомогание из-за семичасовой разницы во времени. Однако для спортсменов, которым необходимо участвовать в заокеанских соревнованиях, или для политиков, которым нужно выступать в Нью-Йорке на сессии ООН вскоре после перелета, эти проблемы становятся очень серьезными.

Поскольку давно стало ясно, что биоритмами управляют какие-то химические вещества, ученые из Калифорнийского университета изучили около 120 тысяч различных соединений. В результате довольно тонких экспериментов они выделили фермент, который назвали лонгдэйзином («удлинителем дня»). Этот фермент удлиняет клеточный «день» более чем на 10 часов.

Ученые считают, что на основе лонгдэйзина можно будет создать лекарства, которые помогут организму человека справиться с джет-лагом. Так что у российского спортсмена повысятся шансы на то, чтобы на соревнованиях в Мехико побить мировой рекорд.

А как ты появился на свет?

Следующее поколение появится из пробирки

Ученые Австралии предсказывают вторую сексуальную революцию — скоро для деторождения секс не потребуется. Через десять лет для зачатия ребенка не слишком молодые пары будут прибегать не к сексу, а к экстракорпоральному оплодотворению (ЭКО), когда извлеченная из организма женщины яйцеклетка оплодотворяется сперматозоидами в отдельном сосуде («в пробирке»), помещается на несколько дней в специальный инкубатор и затем переносится в полость матки.

Развитие технологии ЭКО уже привело к блестящему результату при получении потомства от животных; в этом случае ЭКО обеспечивает стопроцентную гарантию успеха.

На естественный вопрос: «А при чем тут люди?» — руководитель исследования Габор Ваджта отвечает, что в развитых странах возраст рождения первого ребенка у женщин в среднем уже превысил 30 лет, поскольку большинство женщин в этих странах сейчас работают, стремятся сделать карьеру и откладывают деторождение. Скорее всего лет через десять этот возраст достигнет 35 лет, а уже давно доказано, что при этом вероятность естественного зачатия падает в 10 раз. Сорокалетние пары и подавно смогут рассчитывать почти только на ЭКО.

Впрочем, отказываться от секса из-за его низкой результативности в смысле деторождения будет все же не обязательно.

Как уберечь подростков от насилия

Школьная влюбленность может перерасти в серьезные отношения или остаться легким увлечением. Но она может принять нездоровый и даже опасный характер. По американской статистике, каждый третий подросток становится жертвой агрессии со стороны неуравновешенного возлюбленного.

После того как ее дочь Шивон погибла от рук бывшего бойфренда, Линн Рассел решила, что она должна помочь другим родителям уберечь их детей. Шивон Рассел начала встречаться со своим возлюбленным в 16 лет. Ей было 19, когда он убил ее. «Из-за него Шивон бросила школу за три месяца до выпускных экзаменов, — рассказывает мать. — Но полгода спустя она поняла, что так жить нельзя, ей нужно вернуться в школу, вернуться к нормальной жизни. Она расталась с этим молодым человеком, перешла в другую школу, окончила ее с отличием и получила стипендию в колледже. Ее парень был очень недоволен ее поведением. Она явно выходила из-под его контроля. На Пасху она отправилась к нему домой — мы до сих пор не знаем, почему она это сделала, — и там он убил ее».

После смерти дочери Линн обнаружила сотни электронных сообщений и записей в ее дневнике, которые открыли ей глаза на то, через какие терзания прошла Шивон за

эти два с лишним года. В память о ней в день, когда Шивон должен был исполниться 21 год, Линн основала группу, занимающуюся борьбой с насилием в любовных отношениях. «История Шивон должна привлечь внимание подростков и их родителей. Мы рассказываем, что представляет собой такое насилие, в каких формах оно проявляется на эмоциональном, физическом и сексуальном уровне», — говорит г-жа Рассел. Ее соседка Уэнди Клонч, ставшая одной из соосновательниц сайта, отмечает, что в этом начинании принимают участие почти все жители их района: «Я была поражена тем, как стремительно все развивалось; идея едва зародилась, и тут же все соседи собрались у меня в подвале. Мы сообща думали над названием. Дети предлагали свои варианты. Это был коллективный мозговой штурм. Мы разместили на сайте несколько впечатляющих видео с рассказом о девушках, ставших жертвами насилия со стороны бойфрендов». Вот что рассказывают эти девушки: «Все постоянно спрашивают: откуда у тебя столько синяков? Приходится все время врать, и постепенно ты начинаешь сама верить в эту ложь»; «Если бы я знала тогда то, что знаю сейчас, я бы, конечно, распознала тревожные симптомы, и что-то сделала, чтобы прекратить эти отношения, пока не поздно».

Но Энди Рассел, отец Шивон, говорит, что сделать это непросто: «Когда партнер начинает проявлять агрессию, прекратить отношения очень трудно. В среднем требуется шесть-семь попыток, чтобы расстаться с таким человеком».

Кони Киркленд из Университета Джорджа Мейсона отмечает: насилие в отношениях является распространенной проблемой среди студентов колледжей. По ее мнению, привлечение внимания к этой проблеме необходимо, поскольку зачастую жертвы насилия не осознают, что происходит: «Иногда важно просто показать девушке, что такое поведение ненормально, потому что, встречаясь с кем-то, она считает, что вполне естественно позволять партнеру всё. Информация — главное. Молодые люди должны знать, что получать от своей девушки или молодого человека по 50–60 эсэмэсок в день ненормально, что это не проявление любви. Часто девушки думают: “Он очень любит меня и поэтому постоянно спрашивает, где я, хочет знать, что я делаю”. На самом деле он хочет вас контролировать, манипулировать вами. Это не любовь».

Новые технологии дают таким людям дополнительные средства воздействия на партнера, отмечает Киркленд: люди ведут себя гораздо более агрессивно и властно, чем при личной встрече.

Однако Линн Рассел убеждена, что, хотя Интернет и дает простор распространению насилия, он же может помочь в борьбе с таким поведением. Ее сайт *datingabusestopsbere.com* посещают подростки и взрослые в США и в 40 с лишним странах мира.

Н. П.
(по материалам Интернета, иностранной печати и радио)

«Либерализм и европеизм — часть русской почвы»

К 150-летию отмены крепостного права в России

Сто пятьдесят лет назад в России было отменено крепостное право. По случаю юбилея на разных уровнях сказано много разных слов, из которых явствует, что в обществе до сих пор нет согласия в оценке этого события. С одной стороны, живы усвоенные еще в советское время стереотипы: половинчатая реформа, ограбление крестьянства, бедолага-лапотник стоит, поджав одну ногу: надел так мал, что для второй нет места (картинка из школьного учебника); с другой — в самом центре Москвы красуется величественный памятник Александру II... Мифы, черные и розовые, туманят мозги соотечественников. Хорошо бы развеять туман точным знанием.

Алексей Алексеевич Кара-Мурза — политолог, историк русской либеральной мысли, доктор философских наук. Его мы и выбрали в качестве осведомленного собеседника. Наш разговор проходил в Институте философии РАН на Волхонке, прямо напротив того самого памятника.

— Почему вообще царь затеял реформы? Из благородной ненависти к рабству?

— Говоря о реформах Александра II, надо, прежде всего, понять, что иного пути у России не было. Это не был импульсивный, волюнтаристский жест. Александр пришел к власти в 1855 году, а главные реформы начались только в шестьдесят первом. Почти шесть лет шли ожесточенные споры: а нужны ли они вообще? Существовала сильная партия противников реформ, ведь старая команда Николая I никуда не ушла, все остались при дворе. Николай умер неожиданно, и его смерть была наполовину самоубийством: он перестал принимать лекарства, перестал есть и пить после того, как увидел английскую эскадру, уже стоявшую в Балтийском море, в виду Петродворца. Этот человек тридцать лет правил Европой, думал, что он жандарм всей Европы, а после проигранной Крымской войны стало ясно, что Европа от него отвернулась и он никто. Наследнику он сказал: «Сдаю тебе государство не в должном порядке». Стало ясно, что армия, построенная на рекрутчине, неэффективна, а поражение в Крымской войне — прямое следствие рабства и крепостничества. Александр II во многом исходил из военной логики, не надо преувеличивать его гуманные, прекраснодушные, либеральные порывы, перед ним стояла сложная задача — восстановить престиж России в Европе. Путь реформ был императивом выживания страны.

Теперь второе. Вот вы говорите: царь затеял... Между тем настоящие реформаторы группировались вовсе не в Зимнем дворце, а главным образом — в салоне великой княгини Елены Павловны, вдовы Михаила Павловича, рано умершего четвертого сына Павла I, младшего брата Николая I. Это была блестяще образованная, волевая женщина. Ее побаивался сам Николай, так что у нее в салоне можно было чувствовать себя в безопасности. Там и собирались все будущие министры: братья Милютины, Головнин, а главным мотором всей реформаторской деятельности был великий князь Константин Николаевич, брат царя, командующий военно-морским флотом. Вот это и были опорные фигуры, а вовсе не Александр II.

— А на памятнике, который мы с вами видим из окна, написано: «Царю — освободителю»...

— Конечно, и все, включая либералов, носят сейчас ему цветы. Настоящие же авторы реформ совершенно забыты и даже на пьедестале не обозначены. Спросите сегодня любого школьника: что сделал Константин Николаевич? Кто это вообще такой? Кто такой Головнин, министр просвещения? Никто не знает. Николай и Дмитрий Милютины, министр финансов Рейтер — в этой команде было человек тридцать. При дворе они появились только через пять-семь лет после смерти Николая I, и выдвигали их Елена Павловна и Константин Николаевич. Многие до начала шестидесятых годов жили в эмиграции и не видели возможности вернуться: они ничего не смогли бы сделать в России. Например, зимой 1858 — 1859 годов салон Елены Павловны находился в Риме, членом его был и Иван Сергеевич Тургенев. Об этом тоже никто не знает, а ведь Тургенев не только великий русский писатель, но и крупный политик, которого в Европе считали одним из кандидатов в премьер-министры России, великий либеральный мыслитель. Хорошо бы иногда в школе соединять историю с литературой. Так вот, в Риме и в Ницце, куда все переезжали на теплый сезон, были заготовлены все реформы, почему они и явились, как мы сказали бы теперь, целым пакетом и почему их до сих пор невозможно повторить. Их несколько лет готовила мощная команда либеральных деятелей и уже готовых либеральных администраторов.

— Вы имеете в виду и крестьянскую, и военную, и земскую реформы?

— И все остальные, да. Это всё ежедневно обсуждалось. Тургенев пишет об этом в мемуарах. Он тогда в Риме сочинил «Асю», начал «Дворянское гнездо».

Итак, вот вам два мифа: что Александр II освободил крестьян только по велению души и что он сам был главным реформатором. Есть и третий миф: будто бы реформы эти были ультразападническими. Это тоже неправда. Реформы делали и славянофилы, и западники. Только одни думали, что свободу нужно с Запада скопировать, а другие, самобытники, считали, что ее нужно из себя вытащить. Не только западники, но и русские либеральные славянофилы, выступавшие за народ и против рабства, поддержали освобождение крестьян. Среди них были наш знаменитый писатель Иван Аксаков, князь Черкасский, Дмитрий Федорович Самарин, Александр Иванович Кошелев. Никакие экспортированные, не укорененные в русской традиции реформы не могли бы пройти ни тогда, ни сейчас. Обязательно должна быть работа с двух флангов, а у нас до сих пор раздрай западников со славянофилами. Ну, и оглупились оба лагеря. Тогда Аксаков и Чичерин дискутировали, а сейчас Кох с Прохановым воюют...

— Значит, у либеральных идей есть и российские корни, это не чуждое нам по духу заморское явление, как часто приходится слышать?

— Разумеется. Либерализм и европеизм — часть русской почвы. У нас много традиций, которыми можно и нужно воспользоваться. Реформы Александра II — тоже наша почва. Именно реформы, во множественном числе! Вот мы сегодня празднуем стопятидесятилетие отмены рабства, а ведь крестьянская реформа — одно из множества взаимосвязанных преобразований. Только освободив крестьян, можно было заменить рекрутчину всеобщей воинской повинностью с очень большими привилегиями для образованных людей: студент служил меньше, а специалист с высшим образованием призывался на минимальный срок. Для тогдашнего времени это был огромный прогресс. Понимание того, что нельзя человека по жребию или по выкупу из деревни забирать и отправлять служить на двадцать пять лет; этот человек, когда придет час, не будет воевать. Дальше, если крестьян освободили, они должны получить политические права, возможность самоорганизовываться — на это была нацелена земская реформа. Конечно, не сразу они начали этим пользоваться, но начало было положено. Очень важна университетская реформа, которую провел Головнин. Была отменена цензура печати: свободного человека не должны сечь за слово. А судебная реформа? Состязательность процесса, адвокатура, суд присяжных — это всё оттуда идет. Конечно, сейчас все бросились отмечать юбилей 1961 года, но я уверен: пойдет череда юбилеев других реформ, а их уже не будут праздновать, потому что никто про них не знает. В 1866 году после выстрела Каракозова в реформировании наступил большой перерыв. Новая либерализация началась только в 1880-м, Новая либерализация начались только в 1880-м и была связана с именем графа М. Т. Лорис-Меликова. Но в марте 1881-го «царя-освободителя» убили.

— В нашей стране у великих реформаторов трагические судьбы. Вместо благодарности они получают от соотечественников в лучшем случае потоки брани, а в худшем — пули и бомбы.

— Это оттого, что многие из холопов власти мгновенно превращаются в хамов, не понимают, что такое постепенный прогресс, и хотят получить всё сразу. А что могли получить недоучившиеся студенты? Вместо того чтобы учиться, пошли в бомбометатели — бросать бомбы в того, кто дал им университетскую автономию. Вчера у них не было ничего, сегодня они претендуют на все — такое и сейчас есть. Нет, должен быть ежедневный, постепенный, целенаправленный труд. Иначе опять все сорвутся, куда-то бросятся, всех перестреляют — и мы снова получим на семьдесят лет какую-нибудь советскую власть. Чтобы разобраться в прошлом и извлечь уроки на будущее, нужна тотальная демифологизация истории, большая просветительская работа.

— Давайте для начала попробуем разобраться в самой первой и самой знаменитой реформе — крестьянской.

— Александру II было очень сложно договориться с дворянством, со своей классовой опорой. По существу, он должен был ограбить дворян, отнять у них источник существования. Подготовка реформы потребовала нескольких лет напряженной работы, очень серьезных компромиссов. Веским аргументом была та истина, что если сегодня не дать крестьянам свободу по-хорошему, то завтра они возьмут ее по-плохому. Но главным было то, что Александр — император, законный Божий помазанник. Не хочешь — а подчиняйся. Но некоторая червоточина в реформе была заложена. Многие говорили о покушательстве на права частной собственности. Либералы вроде бы должны отстаивать эти права, а помещичья земля и приписанные к ней крестьяне — это и была частная собственность. Чтобы дворяне категорически не выступили против, пришлось им кое-что оставить. Конечно, крестьян освободили не так, как они рассчитывали, но усилиями настоящих либералов удалось сделать максимально возможное. Во-первых, наделы были не такие уж плохие, и платить за них надо было в рассрочку. В большинстве случаев — на двадцать лет, разве можно это сравнить с шестидневной барщиной? Да, сначала многие подумали, что это кабальный заговор, что их опять хотят обмануть, а потом поняли, что выкупить землю вполне возможно, если, конечно, действительно работать. А мы сейчас говорим не о босяках, которые браконьерствовали в помещичьих лесах, а о крестьянстве, о тех, кого потом назвали кулаками и уничтожили, а не о тех, кто составил комитеты бедноты, — вот для этих крестьян реформы дали огромный социальный импульс. Советские учебники писались с идеологией комитетов бедноты: все забирают и ничего не дают. Вопрос, хочешь ли ты работать, вообще не ставился. Работать, конечно, многие не хотели, были развращены, часто не по своей вине. Если работать бесполезно, потому что ты раб, тебе не принадлежит ничего, и даже твою семью могут в любой момент разбить и распродать поодиночке, то, конечно, мотивации к труду нет никакой. Крестьянская реформа дала эту мотивацию. У кого были силы, крепкие семьи, те резко пошли в рост. Есть множество документов, подтверждающих, что реформа дала толчок к массовому обогащению крестьянского сословия. Крестьяне начали договариваться с бывшими помещиками, прикупать себе землю на правовых основах,

которых прежде не было. Важно не просто то, что кто-то получил землю, а то, что стало возможным на ней работать и себя кормить – вот как надо ставить вопрос о крестьянской реформе.

— То есть освободился труд?

— Вот именно. При этом учитывалась специфика каждого региона, потому реформа и затянулась. Учитывалось все: кадастр земли, ее урожайность, количество едоков в семье и масса других вещей. Если критиковать эту реформу, тогда вообще ничего не было у нас хорошего. Она была образцовой еще и потому, что ее готовили подвижники, которые работали не на свой карман, обдумывали этот вопрос десятилетиями, а потом пришли и сделали. Сама по себе крестьянская реформа удалась. Ей бы надо было закрепиться, но не хватило времени.

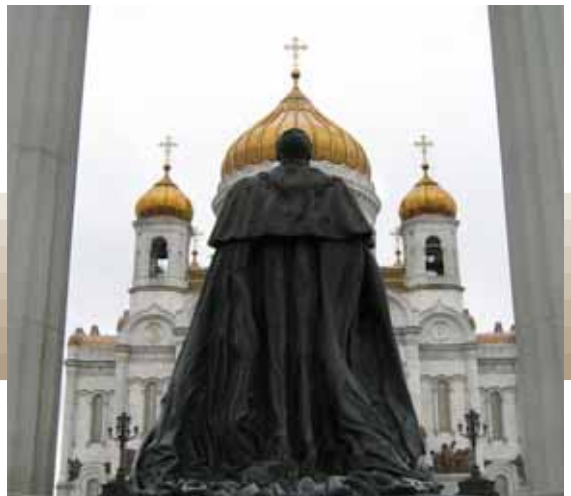
— Видимо, реформаторы понимали и это. Николай Милютин говорил: «Хорошо, если успеем бросить семя, которое вырастет в свое время». А как вы относитесь к достаточно популярной идее о том, что свобода развязала руки террористам, что терроризм и есть первое порождение либеральных реформ? Так сказать, вседозволенность...

— Террористы появились еще при Николае как следствие зажатия страны. Не хотела власть общаться с декабристами-аристократами — получила в качестве оппозиции бомбометателей. Эти люди с исковерканными судьбами ушли в подполье; к этому привел избыточный контроль, завинченные гайки. При Александре II они вышли наружу.

— А не будь этого контроля, такого не случилось бы?

— Там, где вовремя дают представительство разным общественным силам, развивается нормальное общество. Ведь даже славянофилы, люди православного склада, типа Ивана Аксакова, были поборниками свободы слова. Мы уже говорили, что реформы Александра поддержали с разных флангов. И Иван Тургенев с западнических позиций, и выпущенный из мертвого дома Достоевский — с почвеннических. Какая может быть родина, какой народ, если это рабы? Конечно, и при Александре внутренняя политика по отношению, скажем, к народникам, была не слишком умной. Стоило Чернышевскому что-то сказать — в каземат его, на катор гу. Но это еще николаевского воспитания люди действовали. А что было делать после первых выстрелов? Начал Каракозов, потом Соловьев, Халтурин. Власти пытаются усмирить террор, либеральных министров заменяют старыми николаевскими держимордами, а потом выясняется, что стало еще хуже. В 1880-м предпринимаются новые шаги, министром внутренних дел назначается Лорис-Меликов. Именно 1 марта, в день цареубийства он должен был обнародовать свой акт, который называли конституцией Александра II. Этот проект предусматривал создание еще не законодательной, но законосовещательной Думы. Будь он принят — не было бы мощных контрреформ Александра III и Николая II. Но системные вещи были заложены так, что их не смогли выкорчевать два последующих царствования. Действовали судебные уставы, существовало земство, как его ни корежили. И к началу XX века, когда после нового военного поражения, на этот раз в японской войне, опять стало ясным, что нужна конституция, нужны либеральные реформы, — оказалось, что выросла новая элита, поколение сыновей александровских реформаторов; они пришли в политику и выиграли выборы в Первую и Вторую Думы. То есть при более или менее нормальном избирательном процессе народ высказался за либералов. Они же делали февральскую революцию. Представления о том, что Россия обречена все время болтаться по одним и тем же кругам, что свобода и демократия не для нее, все равно ничего не выйдет и лучше проживать свой трагический особый путь, — совершенно неверны. Ведь и в других странах не сразу все получилось, но люди предпринимали всё новые и новые попытки, набивали шишки, набирались опыта. Соединение собственных традиций и чужого опыта и даст искомый результат. Все страны разные, но есть какие-то общие закономерности, и особой русской политологии не может быть так же, как особой русской математики. Одна из таких закономерностей заключается в том, что в какой-то момент усложнившемуся обществу нужно давать возможность самоорганизации. Если же продолжать давить сверху, все развалится. Мы знаем, к чему ведет логика насилия: к катастрофам, гражданским войнам, самоуничтожению. Я думаю, новое поколение должно воспитываться в другой логике — в духе уважения индивидуальных человеческих прав. Тогда появляется возможность честного труда, потому что работаешь на себя, честной политики, потому что твой голос не крадется и не фальсифицируется, и так далее. А позиция «сиди и не высовывайся» ведет к общественной безнравственности.

К сожалению, не только школьникам, но и учителям трудно найти материалы по истории русских либеральных реформ. Мы сейчас собираем такую информацию и выкладываем ее на недавно открытом сайте *rusliberal.ru*.



Беседовала
Наталья
Мавлевич

Нюра

Рассказ

Людмила Самойлова

Две сестры, родом из Вышнего Волочка, Нюра и Маша, маленькие девочки семи и пяти лет, сидели в гостях у бабушки и дедушки. Им очень хотелось бы остаться тут жить. Есть сдобные пироги с кашей и брусникой, пить чай из самовара. Они во все глаза смотрели на чашки и блюдца, нежно-зеленые, как молодая травка, а поверх травки сияли гроздья сирени с махотными цветочками. Из ярко начищенного самовара выглядывали их мордашки.

Но как ни хорошо было у бабушки и дедушки, через какое-то время они начинали волноваться и собираться в свой голодный, холодный и пустой дом. Если задержаться, мама будет громко кричать: «Пусть эти Калинчиковы, раз такие добрые, заберут вас к себе, пропадите вы и они пропадом. Лучше бы сдохли маленькими. Пирогов нажрались, теперь жрите березовую кашу». Девочки знали, что березовая вовсе не каша, а прутья, замоченные в воде. И мама, когда разойдется, бьет ими куда ни попадя: по ногам, по спине, по голове, успевай уворачиваться. Она их била, несмотря на гостинцы, которые девочки приносили с собой: пирожки, шанежки, в отдельной тряпице кусок розового сала, банки с вареньем. Все это богатство детям было не дотащить, а потому зимой им выдавались санки с облучком и бортиками, а летом дедушка подносил корзинку до дома. Когда мать уставала сечь девочек, то ставила корзинку на стол и начинала все без разбора запихивать в рот. Гостинцы были исключительно ее добычей. В летнее время она тащила девочек в лес за ягодами и грибами. Послушная и добрая Маша ни одной хоть малинки, хоть землянички в рот не брала, а Нюра, пока не наедалась досыта, ничего в корзинку не рвала. Лесные дары продавались, а выручка пропивалась. Девочки настолько усвоили такой порядок вещей, что никогда и ничего от матери для себя не ждали.

Их дом не сразу стал пустым. Приметливая и остроглазая Нюра рассказывала Маше, что и в их доме было уютно, и вместе они вспоминали отца, сына дедушки и бабушки Калинчиковых. Они вспоминали, как отец катал их на линейке и как лошадь Зорька роняла на голубой снег печеные яблоки навоза. От них шел парок, и девочки успевали заметить стайки воробьев, выклевывавших овсяные зернышки. В то доброе время стол был покрыт прекрасной скатертью, вышитой гроздьями рябины, а по краям красногрудыми снегирями. Мама называла отца ямщиком и пьяницей. «Напился и сдох в снегу, ямщик проклятый». Когда мама кричала, ее черные глаза становились злыми и узкими. Маша плакала, обнимала маму и просила: «Мы любим тебя, не давай нам березовой каши». Нюра молчала, но глаза ответно сужались, а в красивой головке звенела мысль: «Вырасту, буду жить, как Калинчиковы, а ты сама пропади пропадом, кощеиха». Нюра ненавидела материнский дом, ненавидела пустой двор, поросший лопухами и репейником. Единственную работу она делала добровольно. Ежедневно до блеска вычищала скудную кухонную утварь. А раз в неделю вымывала дом и до желтизны выскребала стол. И если мать оставляла на полу грязные следы, тут же подтирала за ней. Когда они сталкивались глазами, Нюра никогда своих сероватых с прозеленью не отводила. В итоге мать стала грязную обувь снимать. Таким образом пусть маленькое жизненное пространство Нюра подчинила себе.

Но главным в ее сердечном чувстве нелюбви к материнскому дому были даже не голод и холод, не пьяная материнская ругань, не запустелая земля, а совсем другое. Она помнила маленького братика в пеленках. И помнила, как зимой мать раскутывала его из одеяльца и выносила на мороз. Беспечная Маша не помнила, а Нюра помнила слабый плач, доносившийся со двора. И как она ни зажмуривала по ночам глаза, стараясь заснуть, плач стоял в ушах. Она видела, как мать проскальзывала обратно в дверь с братиком. Вскоре навсегда замолчавшего мальчика положили в маленький гробик, зажгли свечки, батюшка пропел что-то непонятное. Мать стояла, вытянув рот в сжатую полоску и спрятав глаза, а бабушка и дедушка обняли Машу и Нюру и тихо сказали, что душа малютки звездочкой улетела в небо. Она не просто не любила мать. К нелюбви примешивалось нечто, сродни страху и отвращению.

До последней своей минуты она будет чувствовать страх за жизнь. Именно этот страх сделает ее потребность в насыщении неутолимой. И речь пойдет не только и не столько о еде. Она будет втискиваться в жизненное пространство любой ценой, локтями, кулаками, всеми известными ей неправдами, стараясь отхватить для себя как можно больше места. После смерти второго мужа она огородила широко его могилу и на свободном месте поставила памятник себе, не забыв приклеить свой портрет. Однажды она приехала его помянуть. И, чтобы разбавить одиночество, кликнула кладбищенского алкаша. Тот радостно опрокинул пару рюмок, перевел дух, огляделся и заметил на памятнике Нюрину фотографию. Он долго поворачивал глаза с живой на портрет. И после сварливого «Что смотришь, милый, это я» бросился опрометью прочь.

Время шло. И Нюра уже училась в школе. Даже в годы поголовного атеизма она удивляла учителей настойчивыми и последовательными аргументами в пользу отсутствия Бога. Особенно радовалась учительница ботаники. И правда, где же Бог, если вместо него пчелы летают с цветка на цветок и оплодотворяют их. «Ты, Аннушка, умная и думающая девочка». Нюра верила и после десятилетки собралась в техникум. Но мать не разрешила ей окончить десятилетку, прогнав на ткацкую фабрику. «Хватит лодыря гонять, пора деньга зарабатывать». Заработок пропивался, и это обстоятельство тем более подталкивало Нюру найти хорошего жениха и уйти из дома. На танцплощадке у нее отбоя от кавалеров не было, несмотря на то, что одета она была беднее подружек.

Вряд ли найдется девушка, которая не изведала бы любовных томлений и сердцебиения. Маленькие девчачьи сообщества обязательно выделяют одного, достойного тайного и явного обожания. Он принц, король. Он безраздельный властелин их нежных сердец. Был такой и на местной танцплощадке. Девушки называли его не по имени, а по кличке Пушкин, возможно за точеную фигуру, курчавые волосы и веселые глаза. Он и появлялся на танцплощадке не каждый раз. А так, через два на третий. Да и подходил к девушке лениво, как бы нехотя, как бы снисходительно. Дескать, ладно уж, хоть и баловство все это, пользуйся.

И хоть Нюра имела сногсшибательный успех, он не выделял ее из общего ряда. Приглашать потанцевать, приглашал, но даже ни разу не проводил домой. Очевидно, она не стала героиней его романа. Зато она запомнила его на всю жизнь. И даже когда в старости потеряла рассудок, рассказывала дочке, принимая ее за медсестру: «Никого я, сестричка, не любила. Ни первого мужа, ни второго. Был один, курчавый, как Пушкин. За него я бы пошла, да только он в мужья не годился». Тогда же в юности она твердо решила: виноград потому и высок, что зелен.

Между тем голодный инстинкт подсказывал, нужно свое гнездо. И увешать его ковриками, устлать половиками, уставить буфетами, шифоньерами, трюмо да комодами. И чтоб всего было много, чтоб аж наружу выпирало. И чтобы все впрок. Пусть все смотрят и пусть у них от зависти глаза лопнут.

В мужья ей сгодился робкий парень Алеша с тихими серыми глазами и русой челкой, которая по-мальчишески падала на высокий лоб. Алеша, несмотря на молодой возраст, заведовал магазином, ходил в косоворотке, подпоясанный узким ремешком. Жил он с тремя сестрами в просторном двухэтажном деревянном доме на высоком каменном фундаменте. Нюра не любила Алешу. Но и неприязни не испытывала. Добротный дом, Алешины доброта, ласка, отзывчивость вызывали в ее душе тень сочувствия. И вот счастливый час пробил. Нюра втиснулась в дружную, работящую семью с большим комодом, который Алеша ей купил в качестве приданого. Сестры спустились на первый этаж, освободив ей просторную, светлую комнату на втором этаже. Отныне она будет набивать барахлом все емкости под руками. И все с избытком, чтобы износ не пугал, чтобы, как по волшебству, рука ощущала нескончаемый приток благополучия. Старая, она освоит помойки в округе, и помоечное добро потечет в квартиру. На кофте у нее будут побрякивать огромные булавки. Все запрятано и застегнуто. Врешь, не возьмешь.

Перед войной молодые родили одного за другим мальчика и девочку. К первенцу она прикипела сердцем. Возможно, потому, что он выпал из коляски, ушиб локоток, и врачи долго лечили нагноившуюся рану. Мальчик плакал. Нюра ночи напролет укачивала его. Так и свилось за месяц состраданий в ее душе гнездо для младенца. Разразившуюся войну она возненавидела вовсе не потому, что та несла море бед людям. Война поставила под угрозу только-только обретенное ею благополучие. Леша ушел на фронт. Как и огромное большинство, она осталась солдаткой, а стало быть, в этой взбаламученной, истерзанной мучениями жизни должна была полагаться только на свои силы. Ее фабричные товарки варили и ели крапиву. Постепенно их ноги наливались водой и слабели. Однажды по дороге на работу она увидела сидящую у забора подружку. Та, не моргая, пристально смотрела на Нюру. Та бросилась к ней, попыталась поднять. И с ужасом почувствовала руками уже остывшее тело.

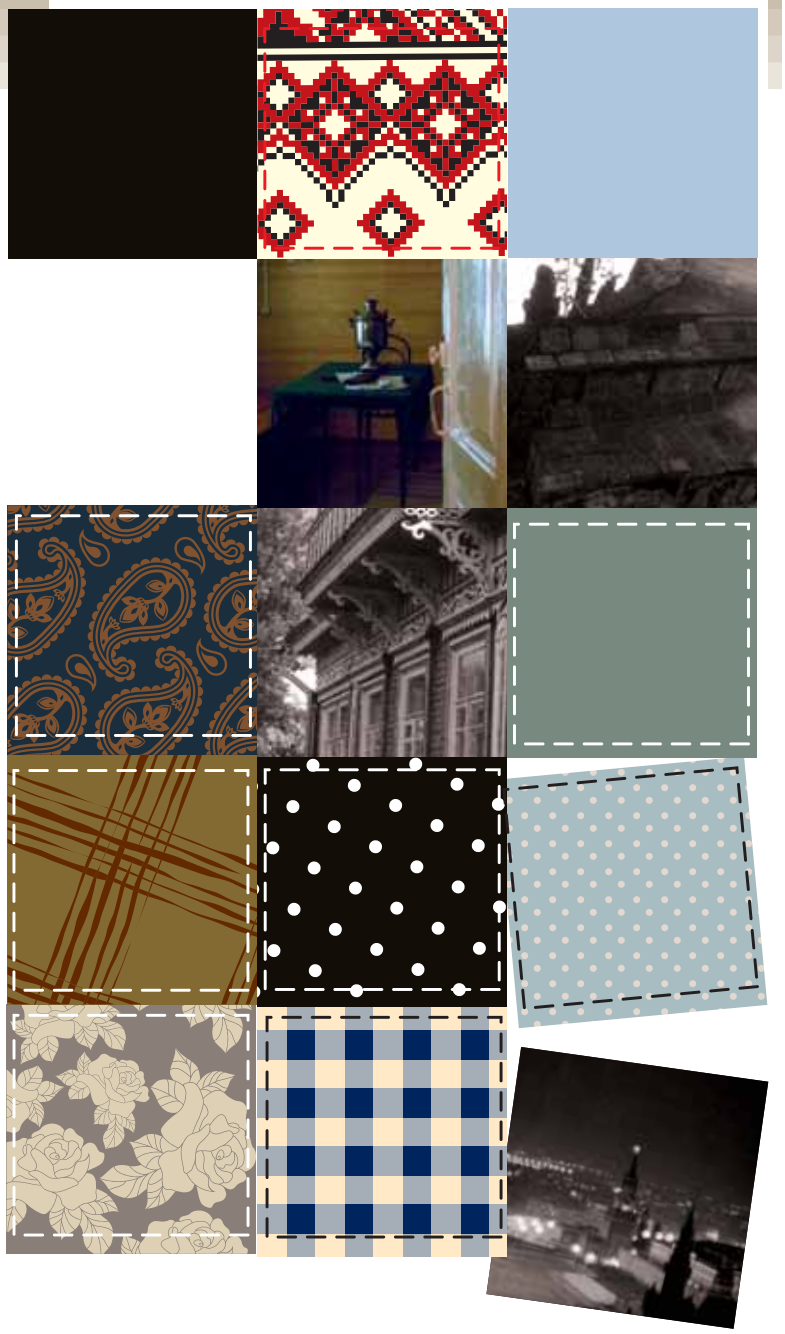
В те страшные дни она выстрадала свою житейскую мудрость: жизнь бьет, а ты стисни зубы, ни с кем не делись, не распускайся, карабкайся, лезь наверх. Комплексом благодарности она не страдала, да и с какой стати. Это ей жизнь кругом задолжала. Она не трудила голову вопросами, почему, когда и кто ей задолжал. Ее вполне устраивало убеждение: должны все и всегда. А если не дают, надо взять самой.

Поэтому помощь Алешиных родных сама собой разумелась. Тем более что Алеша оказался дураком. Не выбил себе белый билет. Значит, на семью плюнул.

А вот Анна кругом была молодец. Насеяла табаку, стала махорку продавать. У красивой солдатки от покупателей отбоя не было. Но и Нюре, как говорится, ничто человеческое было не чуждо. В один из дней ее попросила проводить до дома одна из работниц. Толстые, распухшие от голода, ноги у этой женщины еле-еле передвигались. Нюра втащила ее в дом и увидела на постели мальчика, который уже не мог встать. Жалость шевельнулась в ее душе. На следующий день она принесла густой овсяный отвар. Дала ему ложку. Он вцепился в нее зубами и не отпускал. С трудом уговорили его разжать зубы. Много отвара на голодный желудок нельзя было давать. Но и от съеденного лицо мальчика покраснело, лоб вспотел, и он заснул с блаженной, счастливой улыбкой. Деятельная, ухватистая Нюра возмутилась, как это можно молча, без сопротивления, отдаться на волю смерти. «Ну-ка, открой гардероб», — велела она своей знакомой. Ее ослепила шеренга крепдешиновых платьев. Она зажмурила глаза, чтобы женщина не увидела жадного блеска. Справившись с голосом, Нюра строго отчитала хозяйку за неумение обменять вещи на продукты. Увиденное в шкафу решило судьбу мальчика и его мамы. По мере исчезновения платьев прибывала овсянка. Потом, когда знакомая окрепла, Нюра вместе с ней ходила менять вещи на картошку.

Между тем наступила осень 42-го года. 41-й с помощью сестер мужа и благодаря собственной расторопности Нюра пережила. Однако инстинкт самосохранения подсказывал, что если жизнь не изменить кардинально, нажитое придется расточать. Надежды на солдатский аттестат не было. Тем более что похоронки стали делом обыденным. Сегодня соседка, а кто скажет, что завтра вдовой не станет Нюра. Призрак пустого и голодного материнского дома замаячил перед нею. Пусть дура Машка заканчивает курсы медсестер и бежит на фронт спасать солдат. У кого мозгов нет, те добрые. А у Анны мозг работал как счетчик и поворачивался во все стороны в поисках выхода. И все чаще она думала о лейтенанте-белобилетнике. Он заходил каждый день. Покупал табак, давал тушенку, сахар. И лип к ней жадны-

ми, неотрывными глазами. Мелочи, типа живого мужа фронтовика, которого она собирается бросить, или пересуды, ее не волновали. Тем, кто не умеет жить, остается языками трепать. Останавливал лейтенант. В Алешиных глазах она читала, как в книге. А маленькие глаза лейтенанта косили под простачка, но были мутно непроницаемы. И только черные зрачки неотступно следовали за Нюрой. «Лезет, как пес», — думала она. И хоть после войны она родила от него сына, все равно с



гордостью рассказывала, что ни разу с ним не целовалась. Тьфу! И так она решилась оставить Алексея и связать свою жизнь с лейтенантом. Ей предстояла долгая дорога в Курган. Сына она оставила при себе, а дочку бросила на мать в надежде, что старые девы, сестры Алексея, не дадут девочке пропасть. Им с высохшей утробой только и оставалось наблюдать родную кровиночку, племянницу. За этим решением потянулся шлейф последствий. Сестры написали Алеше всё про Нюрку. Он ответил, что раз она так поступила, то ему, Алеше, остается только сгибнуть, потому что жить больше не для чего. Вскорости сестрам пришла похоронка. После войны Нюре отдали его письмо. И вот что странно. Она его не выбросила, а держала в шкатулке с другими важными документами. Это несмотря на то, что получив письмо, внаглянку запустила миф о том, что Алеша жив. И опробовала этот миф на Алешиных сестрах. Оказалось, Алешу взяли в разведку и забросили к немцам в тыл. Не знал немецкого, как бы не так. Это сестры не знали, что до войны Алеша тайно посещал курсы немецкого языка. Его готовили. А Нюра знала, потому что во сне он говорил немецкие слова. И более того, Алеша велел ей для отвода глаз выйти за другого. Чтобы никому не закралась в голову мысль, что раз она его ждет, значит, он не умер. И все это не вракля. Алеша сам к ней приходил домой в 47-м году и сказал, что теперь его забросят еще дальше Германии, в Америку, и что в Америке он останется навсегда. Дети уже взрослыми письмо Алеши нашли и перестали с Нюрой общаться.

Поскольку жизнь Нюры на десятилетия объединится с жизнью лейтенанта, стоит сказать о нем отдельно. Первой и совершенно неожиданной новостью для нее оказалось то, что лейтенант сотрудничает с НКВД. Он был страстно в Нюру влюблен, а потому на первых порах откровенничал. Мальчишкой в деревне его все дразнили мухоедом. Сам он мух никогда не ел. Их на спор ел его отец. И спорил отец, не трудно догадаться, на стакан, или пару стаканов самогонки. Емкости зависели от количества съеденных мух. Приклеившаяся кличка была невыносима самолюбивому, активному мальчишке. Он вступил в комсомол. Но и в передовом отряде советской молодежи кличка прочно держалась. Тогда он решил навсегда уехать из родных ивановских мест. И уехал очень далеко, на стройку Комсомольска-на-Амуре. Откуда ему было знать, что медь оркестра и пламенные речи на вокзале предполагают билет в один конец. Там, на Амуре, он понял, что гибельные болота устилаются гатью из человеческих жизней. Он сбежал. На утлом плотике сплавился до Хабаровска. Там добрые люди помогли не умереть от тифа. Там же в Хабаровске он стал сексотом, выкупив сотрудничеством с НКВД право не возвращаться в Комсомольск-на-Амуре.

Он не постыдился стать паскудником. Ведь на то и секретный сотрудник, что об этом ни одна живая душа, кроме тех, кому положено, не знает. Зато из его деревни все пошли рядовыми на фронт, а он лейтенантом войск НКВД. Вот вам и мухоед. Далеко не все получали белый билет с язвой желудка, а он подчистую смылся с войны. В чем Нюра и лейтенант совпадали, так это в абсолютной уверенности, что другие хуже их. Эти другие по глупости, лености, а еще (это уж ни в какие ворота не лезет) по дурномыслию, что умнее власти, не умеют жить. Их и надо макать, чтобы подняться над ними. Но поскольку макание в грязь совершалось по секрету, то есть неправедно, существовала защитная, как стена, формула: «Мы как все. Как все, так и мы». В Кургане лейтенант, далеко не как все, попал на сытное местечко завхоза в облисполкоме.

Когда в 70-е годы младший сын с женой на домашних посиделках стали болтать про власть, совесть, правду и разную другую чушь, от которой так и разило опасностью, пришлось на обоих доложить куда следует, хоть и жалко их было, дураков, но себя жальче. Сына выгнали с работы, невестка отделалась неприятностями.

В 42-м в Кургане жизнь повернулась к ним самой щедрой, яркой стороной. Нюра страдала от изобилия. Особенно много скопилось муки. Поделишься с эвакуированными голодранцами, подумают: где взяла? Да и повадки нельзя давать. Один раз принеси — сами начнут клянчить. Нет. Нельзя. И Нюру осенило. Она стала выпекать круглые, румяные булочки и носить на базар. За продажей ее и застукали мильтоны. Нюра с полной корзинкой, покрытой крахмальной салфеткой, оказалась в КПЗ. Счастье могло рухнуть в миг. Думать было некогда. И Нюра стала быстро запихивать булочки в рот. Восьмая не полезла. Она обвела камеру глазами. Вокруг были одни мужики. И все с каким-то недобрым любопытством следили за поеданием булочек. Она схватила табурет и кинулась к открытой форточке. Пара булочек улетела во двор. И тут ей на плечо опустилась тяжелая рука, и внушительный голос предложил: «Гражданка, отдай нам, и никаких улик». Господи, ей даже в голову не пришла такая простая, избавительная мысль! Какие находчивые ребята. Когда дверь открылась, и ее позвали, корзинка была пуста. На дне мерцала девственной чистотой салфетка.

Из-под панциря «Мы, как все» она запустила руку подальше в сторону. Власть тут же отреагировала. Следовательно, грести нужно было вблизи. Загреб и спрятался. На пустяки власть внимания не обращала. Курган их накормил икрой и маслом, одел в панбархат, шевиот и габардин. И Нюра с лейтенантом Колей стали всерьез подумывать о расширении плацдарма. Здесь они уже «поднялись». Другие еле ползают от холода и голода. Так им и надо. Рожденный ползать на ноги не встанет. Он и существует для прокорма власти. А Нюра с Колей уже себя отождествляли с могуществом и силой государства. Им престало думать о покорении столицы, о Москве.

Но между полного довольства завелась проблема. Здесь, в Кургане, Нюра впервые испытала приступы острого раздражения. Поскольку она не ведала о существовании души, то раздражение искало и находило объект вне Нюры. Объектом стал новоиспеченный муж Коля. Да и не муж он вовсе, из-за него она неразведенка. Из-за него пришлось оставить в Волочке на мать-кощеиху дочь Нинку. Останется в живых ли. Нужно отдать Коле должное: сюрпризы он умел преподносить. Уже когда семейство перебралось в Москву и пришло время узаконить отношения, Нюра узнала, что у Коли за спиною длинный хвост из жены и трех детей. Ее замужество состоялось с проволочками и нервотрепкой. И удивительно, что прежняя жена не совершила акт возмездия и не лишила Колю партбилета. Но алименты пришлось выплачивать. Так рухнула часть семейного бюджета, и Нюрина надежда на покупку новенького «Москвича». Но если бы только это. Нюра забеременела. Аборты были запрещены. И как она ни старалась вытравить ненавистный плод из себя, ребенок исхитрился ухватиться всеми силами за жизнь, и в положенном 48-м году появился на свет. Он стал еще одним объектом для злобы. Детей от настоящего мужа (таким Нюра про себя считала Алексея) она не трогала сама и не позволяла бить Николаю. Этот третий стал в полном смысле мальчиком для битья. Он принимал на себя всю неудовлетворенность жизнью взрослых. Случалось, что, когда один из родителей уставал бить мальчика, за дело принимался другой.

Краски жизни, ее многозвучность не проникали в Нюрин угрюмый дом. А потому дети выросли со спутанными мыслями, не отличающими хорошего от плохого. Неудивительно, что все трое родили только по одному ребенку. Жизнь пугала. И потому им хватало сил на кое-какое гнездо для одного птенца. Неудивительно, что голос крови умолк еще в детстве. Дочка и младший сын видели несправедливо щедрое отношение к старшему, а потому не любили его. Старшего поджидали разочарования. Будучи избалованным, он требовал от окружающих неадекватного своим возможностям посредственного слесаря сверхвнимательного и восокооценочного отношения. Поскольку окружение не соответствовало его чаяниям, он постепенно превращался в брюзгу. Дочка работала от звонка до звонка в «почтовом ящике», а потому считала, что вся страна обязана стройными шеренгами шествовать на работу и обратно. Младший вызывал раздражение обоих старших, получив немыслимую вольность. Он, имея профессию, как принято говорить теперь, дизайнера, мог работать, когда хотел. О, эту свободу тех, кто вздумал считать себя избранными, тогда, в 70-е, любому хотелось бы отнять. Так и получилось, что сестра и братья десятилетиями не видели друг друга.

Еще одна беда одолевала Нюру. Сестра Машка поднялась, и выше, на много выше Нюры. Все было правильно, когда овца ютилась с дочкой Люськой и матерью в деревянной общаге в Волочке. Правильным было и то, что эта дура нянчила мать-кощеиху до самой смерти. За что жалеть сестру, у которой тут, за лбом, не все в порядке. Делить крохи, которые зарабатывала в лагере для немецких пленных, на троих. У дочки отнимала, сама не доедала, а для кощеихи старалась. И получите: Люська заканчивает школу с золотой медалью и выходит замуж за кагэбэшника, а этот кагэбэшник заведует в Таллине пропусками на выход в море. Если эстонец покладистый, и, как называл таких эстонцев Люськин сын, даритель, то возьмите пропуск, а если не даритель, сиди без рыбы. Сам Люськин муж по-эстонски ни бум-бум. Зачем? Это им нужен пропуск, а не ему. У Нюры за столом он режет здорового и жирного угря, а Люська пищит: «Ой, тёть Нюра, дядя Коля, вы ешьте, ешьте, мне на рыбу смотреть противно, тошнит, объелась». Из нищеты, а поднялась как. И хоть бы старалась, нет, дуриком. Ладно Люська. Трудно, но сжала Нюра зубы. С кагэбэшником не повоюешь. Но Машка! Вышла замуж за москвича. И Нюрин Коля этому москвичу в подметки не годился. Машкин муж настоящий полковник. Воевал. Да не три месяца, как Коля, а всю войну. Нюрин Коля из латуни сделал себе звезду Героя. Только фальшивую звезду не оденешь смело на грудь. Коля цеплял ее за лацкан пиджака. Идет семья из Петровского монастыря в Сандуновские бани. Коля

лацкан отворачивает. И семейство с вениками проходит без очереди. Боец невидимого фронта. А ее, Машкин, муж заслуженную звезду носил на груди. Квартира у Машки, как у Нюры, двухкомнатная, да намного лучше. Комнаты большие и не хрущевские проходняшки, а отдельные. Подумать только. Непролазная деревня, а туда же, в Москву. У Нюры все сердце запеклось. И объявила она Машке страшную войну. Куда бы та ни устроилась на работу, через недолгое время ее под благовидным

предлогом увольняли. И вот уж правда овца: ее уволят, она тут же звонит Нюре и рассказывает, как ей опять не повезло. Устроится на другое место, опять звонит и радуется, и адрес называет. И так до той поры, когда ей при очередном увольнении сказали: благодарите сестру. И показали письмо, в котором Нюра в красках расписывала, как Машка распутничала с пленными немцами. С тех пор Машка позвонила только раз, чтобы Нюра узнала — нет у нее больше сестры. И бог с ней. Напугала ежа голым задом. Овцой больше, овцой меньше.

Из-за Машкиной удачи Нюра, и так не любившая мужа, возненавидела его настолько, что ненависть превзошла алчность. Когда он приносил что-то своровавное в своем спортивном обществе, она грозила донести. И он вынужден был стать почти что честным человеком. Бывало, он жаловался детям, что, если бы не их мать, они имели бы все, включая птичье молоко. Нюре казалось, что муж — средоточие всех бед. И когда он одряхлел, она нетерпеливо стала ожидать его смерти. Он сидел в кресле в рваной майке, бессильно свесив голову на грудь. Проходя мимо, она крепко шлепала его ложкой по лбу. Иногда, настолько крепко, что до крови. И приговаривала: «Нечего слюни распускать, скорее убрался бы отсюда. Все руки связал». Младший сын приносил чистые, целые майки и надевал на него. Она их снимала и прятала, и Николай опять сидел в рванье.

Когда он умер, она не только не испытала ожидаемого облегчения, но, напротив, отнеслась к его смерти, как к страшному, коварному удару жизни. Возможно, она почувствовала: смерть — тот враг, которому в лицо нельзя смотреть. С его уходом она как бы ударилась о жизнь и потеряла прежнюю энергию. Ее еще хватило на то, чтобы продать дачу и гараж. Тут все было ясно: не отдавать же детям. Но дальше, скопив в руках, как ей казалось, огромную сумму, растерялась. Она, которая всю жизнь дома и на работе считала деньги, стала их безотчетно тратить. Счетчик, который составлял главную часть ее мозга, сломался. Поломка оказалась столь сокрушительной, что голова перестала ей подчиняться. Кошелек ушел из-под контроля. Она стала жить в свое удовольствие, покупать дорогую еду, одаривать продавщиц: «Возьми, милочка, денежки». На восьмом десятке ей страстно захотелось любви. Нашлись желающие посодействовать. В квартире оказались два посторонних мужских лица. Ее хотели посадить в поезд и отправить туда, где якобы новый муж и откуда нет возврата. И на сей раз спас могучий инстинкт самосохранения. Нюра уперлась: «Без доводки не поеду». Детям стало очевидно, что без опеки она пропадет.

Ее взяла дочка. Поскольку она долгое время забывала есть, то сильно ослабла. Теперь, будучи немощной физически и умственно, она махнула рукой на упущенные возможности. И, что было удивительным, подобрела. Когда дочка приносила еду, она, отстраняя тарелку, упорно уговаривала: «Иди, сама поешь, что ты все возле меня, отдохни, я одна полежу». Из другой комнаты дочь слышала бормотание: «А мальчик был такой красивый, курчавый и на Пушкина похож. А ночь такая холодная. Так и лежал, пока не замерз совсем».

«Нин, а Нин, ты заметила, ночью на небе звезд совсем мало. Раньше, давно, хорошие люди умирали и летели звездами на небо, а теперь хороших людей нет. Ты выйди, посмотри наверх, там одна пустота».

Хоронили ее дети и внуки. Сестра Маша не пришла. Дочь позаботилась и для урны с прахом определила место при крематории. Никто из родных ее не навещает.

Иллюстрации Татьяны Касьяновой

Подарок бабушки

Рассказ

Людмила Петрушевская

Жила-была одна принцесса. По-местному ее как-то иначе называли, но сути дела это не меняет.

Причем принцесса была очень хорошенькая, а данное качество есть большая редкость в королевских семействах, где у наследников если что и идет в рост, так это челюсти и носы, а остальное — лобик, глазенки там, бровки — остается аристократически маленького размера.

И эти параметры передаются мало того что из рода в род, но и из страны в страну, поскольку все короли так или иначе становятся родственниками, а на ком же еще им жениться? Узок круг этих аристократов, страшно далеки они от народа.

И слава Богу, а то такое начнется, что мало не покажется.

Об этом в нашей сказке и пойдет речь.

Короче: жила-была принцесса, повторяем, очень хорошенькая, длинноногая, как высоковольтная мачта, тихая, как цветочек, скромная, как белый гриб. Все понятно?

Для непосвященных объясняем, что именно такие идеальные девушки, сдержанно, но очень дорого одетые, волосок к волоску причесанные и обутые как первоклассницы, — именно они остаются в одиночестве.

Женихи их стесняются и даже опасаются. Существа мужского пола, те, обычные, то есть грубые, неотесанные и выпивающие, с животами и стрижками под ноль, которые отличаются тем, что утром не могут найти второй чистый носок, — они никогда даже и не надеются заинтересовать такую идеальную девушку. И ухаживать за ней не будут они.

Эти самцы — они вроде лягушек, высовывают язык на все, что само в глаза кидается. На все так называемое «крутое», то есть яркое и блестящее.

А те существа мужского пола, которые хороши собой, правильно одеты и посещают фитнесс-клубы, они ведь сами, если говорить прямо, похожи на цветы или на голых хохлатых собачек, или на котов-экзотов (в крайнем случае, на рыбок-пираний), и они сами нуждаются, чтобы за ними правильно ухаживали.

Разве что, как говорят в народе, им придет край. То есть они полюбят.

Стало быть, на тридцатом году жизни, закончив две аспирантуры (по классу композиции и теории музыки, это раз, и искусствоведческое отделение, два) и поступив на факультет этнографии, наша принцесса тяжело задумалась над своей женской судьбою.

В наличии, если говорить о неженатых кандидатурах, было несколько принцев в Европе, сто пятьдесят примерно семь сыновей шейхов и три сына разных русских миллионеров со знанием английского в объеме средней школы, а также имелся ближайший сосед, сынок одного украинского мусульманина, чье состояние было несметным, так как исчислялось в гривнах.

С этим парнишкой принцесса часто встречалась на скверике, закрытом для посторонних, где выгуливала своего королевского шпица, но пока что познакомились только их собаки. Что не мешало парню болтать с принцессой, хотя она ограничивалась в ответ лишь легким движением бровей. Трепался он по-русски, не обращая внимания на то, что девушка местная и языка может не знать.

Существовали также другие кандидатуры, например несколько молодых балканских и закавказских царей, пока что не взошедших на престол.

Но: европейские принцы были неприлично избалованы еще с детства, их воспитали папарацци, поскольку каждый шаг такого принца сопровождался щелканьем камер, и это не могло не повлиять на данного среднестатистического принца, на выражение его лица, а также на его поведение. Ну и на душу тоже, что бы ни подразумевалось под этим словом.

Наследники же султанов и шейхов были женаты примерно с тринадцати лет (а что ребенку терпеть, если у него уже борода?), и в дальнейшем могли выбирать. С этой целью они повсюду шуровали как менты в поисках призывников, ища пополнения для своих гаремов.

Их автомобили из чистого золота, покрытые для маскировки черной эмалью, ездили в сопровождении эскорта мотоциклов и вереницы микроавтобусов с тонированными стеклами; в этих экипажах, по некоторым сведениям, перевозились кандидатуры в гаремы.

Русские дети миллионеров (или миллиардеров?) тоже аристократками не интересовались. (Потомки большевиков, младших научных сотрудников, спекулянтов и цеховиков, простонародье, короче говоря. Что с них взять?)

Их вкусы ограничивались заслуженными девушками из поп-музыки и пип-бизнеса, а также топ-моделями любого возраста.

Так что наша принцесса (дедушка, эрцгерцог Луи-Филипп, назвал ее в честь библейской царевны именем Яэль, что значит решительная, твердая) — наша Яэль пребывала в приблизительном одиночестве. Приблизительном потому, что у нее, как у каждой принцессы, был свой двор — визажисты, врачи, тренеры, модельеры, неизвестные кинозвезды и интернет-поэты, пара гуру, один из которых повсеместно показывал цирковые фокусы с доставанием из воздуха бижутерии, и несколько фронтменов пока еще не продвинутых групп. И, разумеется, отряд (или табун, или отара) папарацци.

Мама звала ее Ляля.

К описываемому моменту принцесса Ляля пребывала в печали. Ее отец в конце концов самоопределился со своими нетрадиционными склонностями и ушел от Лялиной мамы.

Причем (гром с ясного неба!) папа ушел к своей бывшей школьной учительнице, которую он любил, как внезапно стало ему понятно, с девятого класса. Типа ему на глаза попался школьный дневник и нахлынули воспоминания. И возник вопрос: свою ли жизнь мы проживаем?

Эта старушка, его любовь, была отъявленная хиппи, помнила времена Вудстока, отрастила в честь этого локальную бородку, как у академика Курчатова, отца русской атомной бомбы, и выступала за свободу в отношениях учителей и учеников (филопедия или педогамия, даже педо-полигамия: такое ответвление геронтофилии).

Опозоренная Ляля перестала ходить на презентации и премьеры, хотя именно в этот период ее приглашали нарасхват,

и толпы чужих папарацци осаждали резиденцию принцессы, так что собственные папарацци, вообще не выносящие наездов, кидались защищать свою твердыню и оплот, и по утрам приходилось вызывать мусороуборочный комбайн, чтобы после сечи вывозить осколки объективов и лобовых стекол, погнутые видоискатели, порванные шапки, одиночные перчатки, непарные кроссовки и покореженные мотоциклы.

И надо же такому случиться, что именно перед Рождеством, в это святое для всех время, девушку посетила с визитом сестра отца, которую мама Ляли всегда называла «злая золовка».

Золовка, принцесса Готская-и-Панамская, приехала в двенадцатидверном лимузине. Не то что бы она была очень богата, просто бой-френд ее сына владел свадебным гаражом и время от времени позволял старушке пользоваться эксклюзивными экипажами. Предыдущий раз она приезжала на четверне цугом в розовой карете (для лесбийских брачащихся). Кони выступали в белых наколенниках и черных плюмажах, кучер женского пола в цилиндре, а старушка грум в зеленой ливрее!

Тетка Панамская прибыла, и безработные папарацци выскочили из машин, где грелись, и тут же воспряли духом, обрадовались, вытащили аппаратуру и буквально исщелкались, поскольку принцесса Ляля давно не выезжала наружу, заработка не было.

Оставшись с Лялей с глазу на глаз (обе свиты принцесс деликатно удалились в гостиную к бару), тетя сделала заявление.

— Яэль! — сказала она даже без обычного в светских кругах слова «dear» и не произнеся ни одного из имен племянницы (Анна-Эрих-Мария-Аруэ).

— Да, dear тетя, — вежливо, но с прохладцей откликнулась бедная Ляля.

— Во-первых, я тебе как бы не тетя, — заявила тетя.

— Как это, dear тетя?

— Как это? Так это! Мой бедный больной брат, ментально больной, подчеркиваю, и давно уже, то есть полностью ушибленный на голову, что и подтвердилось только что, — он тебе не отец!

—Уау, — с легкой улыбкой, но довольно холодно сказала Ляля. — Это неплохо.

Ее голос, поставленный в швейцарском пансионе, не дрогнул. Девушку там натаскали говорить со всеми как со слугами: приветливо, но с оттенком долготерпения.

Бывшая тетя величаво продолжала, не обращая внимания на все эти ухищрения простонародья, пытающегося быть наравне:

— Наша бедная мама, принцесса Панамская-и-мыса Горн, увидев тебя, сразу сказала: «Все правильно, все верно, ребеночек не наш!». Вот из роддома привезли тебя, вернее вас двоих, мы посмотрели: ни нашего носа, ни подбородка, ни-че-го! Мы же Габсбурги по двоюродной линии! У нас у всех глаза-то нормальные! А не то что у тебя, растаращенные.

И бывшая тетка посмотрела на Лялю своими слегка туманными, как у бультерьера, глазками.

— И ты вообще, — заявила далее бывшая тетя, — не имеешь отношения к наследству дедушки Луи-Филиппа Первого! И это теперь не твоя резиденция! Уезжай отсюда, сроку тебе двадцать четыре часа! С собой брать разрешено только один чемодан, ясно? А ну, лизни! Давай, давай!

И она сунула Ляле прямо в зубы кусок бумажки.

Вежливая Яэль приоткрыла свой розовый рот, просунула язык между безупречными жемчужными зубами и неуклюже лизнула противную бумажку.

— Ну хоть это, — кивнула себе бывшая тетка, сунула бумажку в пробирку, встала и пошла вон со словами:

— Генетическое тестирование!

И что же? Через три дня в желтых газетах появилось сообщение: дочь принца Луи Второго его дочерью не является. И он начинает бракоразводный процесс.

Прилагались фотографии всех членов семьи и фото принцессы, категорически не похожей ни на кого из них.

Под окнами Яэль снова произошла бойня между своими папарацци и понаехавшими посторонними фото-видеоварягами.

Ляля, которая к тому времени приготовила рюкзак (чужой чемодан она брать не хотела, а этот рюкзак давно еще приобрела на собственные деньги, когда удалось преодолеть сопротивление семьи и устроиться официанткой на Багамах), в последний раз повела выгуливать своего королевского шпица, который тоже уже не являлся ее собственностью.

В частном сквере Лялю приветствовал сын гривенного мультимиллиардера, который сказал по-доброму:

— А хошь, принцесса, переезжай до нас, до хаты? У мени у Оксанки та Одарки кончилысь визы, воны уйихалы взад у Полтаву, так шо внизу е комната с душем. С дивчинами з усими моими будешь тамо. Олл инклюд, питание включено. Телевизор. Ну шо?

— Ну, ты отстой, блин, — ответила Ляля ему впервые. — Иди на хутор лесом да покосом, врубаешься? Уррод.

Ошарашенный Грицко остался стоять с открытым ртом.

И прогуливающийся неподалеку посторонний гарем, высокорослая толпа одетых в черное моделей, заржал.

Откуда-то они знали русский!

Из прорезей их паранджей (или чадр) вылезали, как иголки из упакованных елок, ядовито прищуренные накладные ресницы.

Бедная Ляля вернулась к себе и увидела, что подъезжает кабриолет мамы.

Папарацци, жуя, выскакивали из машин.

Девушка сразу вспомнила, что мама недавно предлагала ей тоже наклеить ресницы у своего визажиста, который насобачивает их сразу на три месяца! И в доказательство мама похлопала своей черной бахромой.

Но Ляля тогда только вежливо улыбнулась.

Во-первых, ни одна девушка не хочет быть похожей на свою мамашу, это может привидеться ей только в страшном сне!

Во-вторых, хороша бы она была сейчас, бомж в макияже.

Мама Ляли приехала озабоченная и сразу пошла в атаку — как всегда, когда чувствовала себя виноватой:

— Ну ты чё? Вообще не звонишь, блин. Я тут болела, лежала, хоть бы дочечка родная поинтересовалась, где там мама подыхает. Ты прям как эта… Ну ладно, привет, чмоки-чмоки.

И они прикоснулись щеками друг к дружке.

— Кстати, мама, а кто мой отец? Ну, я имею в виду, мой настоящий отец?

— А, ты об этом, — рассеянно отвечала ей мама. — Да не бери в голову. Липа это у них, какая-то бумажка. Дали

уборщице лизнуть. Ни один суд это не примет. Я приехала тебе сказать, чтобы ты не волновалась и жила бы тут спокойно. Мои адвокаты уже отправили новый твой мазок на анализ.

— Че-го? — изумилась принцесса.

— Да я взяла у Давки, когда он пьяный валялся в Сольманоре. У Давида. Удался весь в дедушку Вову-алкаша. Живи здесь. Никто тебя не гонит. Еще чего! Муж на развод подает!

Тут надо пояснить, что Давид Луи-Филипп Третий был младшим братом принцессы Ляли и обладателем всего что полагается, носа, подбородка и габсбургских глаз. И наследственности со всех сторон.

— Луи мне теперь хорошенечко заплатит за этот развод, — провозгласила мама с порога. — Давид-то его сын! Только посмотреть на этого папаню! Уму непостижимо! У нас под Барнаулом на стенде «Их разыскивает милиция» и то таких нету. Лицо по седьмую пуговицу!

— А кто мой отец-то? — снова спросила бедная бывшая принцесса.

Мама ответила загадочно:

— Не одна я в поле кувыркалася, не одной мне ветер типа в спину дул… Не обращай на них.

— Но все-таки? На кого-то я похожа?

Мама горестно усмехнулась:

— Спасибо и нашим и вашим, и мордве и чувашам.

Ляля, помолчав, сменила тему:

— Тетя заявление тут сделала…

— А какой с нее спрос? Клок волос. И то неохота с ней вступать. Грёбостно даже разговаривать. Перетопчешься с каким знаком пишется?

Мама на чужбине сильно тосковала по родному языку и только в беседах с дочкой отводила душу.

— И отца тебе, Лялечка, нечего теперь искать. Эта пропажа у дедушки в штанах.

— Ну, спасибо на добром слове…

— И тебе на здоровье, носи да не стаптывай. Слушай, я на Рождество уезжаю со своим новым тренером, ты его не знаешь, еду знакомиться с его мамочкой… В Рио-де- Жанейро. У Мануэля, оказывается, брат бандит. Ты представляешь? У меня ведь тоже, двоюродный братан Славка. Ну, ты помнишь, мы ему посылки в зону собирали, сухую колбасу и тушенку. Ты еще конфеты свои положила, которые тебе подарили. Он опять тут сел. Его подставили, поняла?

Ляля не поняла, но из вежливости кивнула. Мать продолжала:

— А белые кожаные шорты я все же, думала-думала, купила. Потом покажу видео. На Новый год, представляешь, там в Рио все выходят на пляж, Копакабана называется, три миллиона людей, свечи жгут, пьют, обнимаются, не знаю, танцуют… (Тут у нее в голове, видимо, перещелкнуло.) И что же? Хоть Славкина жена меня не принимала, обзывалась, я ей сейчас послала денег. Пусть выпьет за мое здоровье в Новый год под этого… как его… Кто у нас там президент… (Она немного подумала, но потом махнула рукой.) На богом обиженных, знаешь, не обижаются. Что она в своей жизни видела? Я тебе говорила, что купила белые шортики Дольче Габаны? Знаешь, да, забыла, Славкиного отца дядю Диму недавно в дровах нашли. Замерз. А что, выпил с горя… Я его понимаю. Мы Славке в тюрьму не написали. И так человек переживает. Но, представляешь, три миллиона на пляже? Толкотня какая. А ты куда на Рождество?

— Да зовут одни друзья в Альпы.

— Ну, тогда с наступающим!

Они приложились друг к дружке щеками, и мать поцокала к выходу позировать папарацци — длинноногая, 100–65–100, златокудрая, загорелая, подтянутая (в области шеи и подбородка), оформленная везде где надо. Мэрилин Монро! А не эта жилистая грузчица Мадонна.

И всего на шестнадцать лет старше своей дочери…

Принцесса проводила ее в раздумье.

Тут пришла пора набросать краткий очерк предыдущей жизни ее мамы, принцессы Татьяны Луи-Филипп.

Бедная мама Таня прожила много лет буквально в неволе. Перед тем она была объявлена королевой красоты в одном из домов культуры в городке под Барнаулом, а туда же, в эту местность, под Рождество запилился с какой-то миссией мира посол ЮНЕСКО принц Луи-Филипп Второй, и всех победительниц местных конкурсов (хоть танцевальных, хоть песенных, хоть шахматных) согнали встречать его в аэропорт. Татьяну, как самую высокую, нарядили в кокошник, фату и сарафан почему-то до пупа Одежда была изъята впопыхах не у ансамбля народного танца, в котором занималась Татьяна, а из реквизита другого коллектива, находящегося на том же складе Дома культуры, то есть из ящиков ансамбля эстрадного танца «Мулен Руж». А на длину сарафана не посмотрели. Тане пришлось мчаться домой и поддевать под это дело свои блестящие шортики. И привязную косу она добавила тоже от себя.

Пятнадцатилетняя Татьяна в этом диком наряде произвела на принца душераздирающее впечатление. Он не желал прерывать их первого рукопожатия и вообще вел себя с ней как козел в капустном поле.

Он подарил Тане сотовый телефон с уже записанным для начала своим номером. Он также спьяну подарил ей шестисотый мерседес, на котором их возило начальство, причем чужеземец деликатно испросил согласие властей и получил его. Правда, после отъезда принца мерседес из Таниного двора угнали. Отец Тани долго ругался, но в милицию не пошел, запил.

Через полтора месяца Таня послала принцу по его мобильнику sms по-английски со словами «я беременна». Она долго учила это выражение, выисканное на компьютере в Интернет-кафе. Ни дома, ни в школе ничего не должны были знать. А то одноклассники порежут на дискотеке с криком «ты больше, красивая, отсюда не выйдешь». Ай эм вери сорри, Луи-Филипп, ай эм и так далее.

Принц, все это время мечтавший о районном центре под Барнаулом как о потерянном рае и не находивший себе места на проклятой отчизне, вылетел как мог быстро. Свадьбу играли в том же Доме культуры. То есть во дворце с колоннами, в привычной для принца архитектурной обстановке, только мужской сортир быстро обложили кафелем и заменили порыжевшую сантехнику. Мерседес был предварительно возвращен в Танин двор, молодых провожали в аэропорт всем начальством. И перед отлетом у руководства города с Таней был в сторонке серьезный разговор насчет поддержки местного бизнеса. Плачущую мать вежливо оттеснили, пьяного отца вообще увезли домой от греха подальше, он все норовил вывести руководство на чистую воду (за угон мерседеса из-под окон, за взятки и прочие хорошие дела).

А следующие десять лет Таня провела в замке Сольманор, в ста километрах от ближайшего городка, в компании садовников, горничных и шоферов. Муж приезжал на уикэнд и то не всегда. Слуги были снобами (как известно, сноб этот тот слуга, кто умеет выражать презрение в адрес хозяев, ничего не выражая).

Имелся четкий режим дня: утром холодрыга, горничная раздвигает шторы, кофе в постель, душ, прогулка верхом в любую погоду, гонг, ланч, учительница языков, три часа в спортивном зале, гонг, ужин, все свободное время с приносимым из детской ребенком. Отбой в десять.

Таня ночами трепалась с родными и друзьями по телефону и, плача, смотрела в интернете барнаульские новости.

Через пару лет проживания в замке строгого режима Таня упросила мужа выписать ей из-под Барнаула родителей.

Отец по приезде никак не мог привыкнуть к отсутствию водки и родного портвешка, а потом случайно, бродя по замку, узнал о погребах. Через год, выйдя из очередного запоя, он потребовал обратный билет, чтобы не умереть на чужбине в одиночестве, да еще и в подвале. Он кричал: «В стране пять миллионов алкоголиков. А выпить не с кем!». Дома его с распростертыми объятиями ждали друзья и подружки — и во дворе, и в родимом НИИ, где он вкалывал научным сотрудником.

Мать выдержала дольше: во-первых, здесь дочка и любимая внучка, во-вторых, она учила язык хинди. Поскольку тут у нее, у сибирской красавицы, вдруг завязалась сердечная дружба с землекопом-индусом, который на поверку оказался бродячим философом, йогом и вообще гуру. Он не пил, не курил, был молчалив, ел только рис, одну горсть в день. Он был борцом за права тибетцев и иногда летал, но пока что недалеко.

Мать все мрачнела и мрачнела. Земляные работы должны были вот-вот закончиться. Индус увольнялся и уезжал домой.

Наконец она сказала дочери:

— Мы с Лалом решили в Непал пока что. Денег мне не нужно, он заработал.

— А у меня и нету, — заплакав, отвечала дочь. — Луи не дает.

— Лал монах. Сказал, будем ходить по дорогам, просить.

Дочь посмотрела в интернете насчет погоды в тамошних горах и отдала маме золотую цепочку от крестика, кольцо с бриллиантом («Луи скажу, что потеряла»). А также она купила якобы себе для занятий спортом теплый, с начесом, шерстяной спортивный костюм на четыре размера больше, а также кроссовки.

Мама уезжала, таким образом, с приданым.

Перед отъездом баба Нина подарила внучке Ляле какой-то старый, обшарпанный мобильник и сказала: «Понадобится — звони по нему».

Внучка с вежливостью приняла этот странный сувенир.

Татьяна с дочкой старались не плакать.

Бабушка Нина уехала.

Сначала девочка звонила, бабушка отвечала каким-то чужим, гулким голосом, говорила коротко. А потом как-то стало не до того.

И телефончик перекочевал в кладовку, в специальный ящик для благотворительности.

Едва Яэль исполнилось десять лет, ее отправили в закрытую школу при швейцарском монастыре.

Но вот когда девушка вернулась, маму Таню было не узнать. Она перебралась в столицу, оставив малолетнего сына на нянек и горничных, и жила как в родном городке — пила, курила, ходила по ночным клубам в подозрительной компании, превратилась в гламурную персону и постоянного персонажа желтой прессы, дралась с папарацци и закончила тем, чем заканчивают все безграмотные красавицы, — стала модным дизайнером.

Местный народ почему-то полюбил Таню — может быть, за эту горестную золушкину судьбу и за то, что она сумела обрести свободу. Во всяком случае, репортажи о ночных приключениях Татьяны Луи-Филипп обожали читать ее ровесницы, задавленные цивилизацией.

Муж терпел и не выступал, поскольку она его не трогала и денег у него не брала. Развод бы стоил ему дороже! Тем более что он втайне надеялся на трон (а вдруг все вернется?).

Что же касается его жены, то кормить, одевать и катать на самолетах и яхтах такую экзотическую красотку желал каждый нефтяной король. Она же в них как в мусоре рылась, отбирала с презрением.

Такова история вопроса и краткая генеалогия нашей принцессы.

Не то что бы дочь Тани стояла теперь с рюкзаком в ногах и скрупулезно вспоминала предыдущую жизнь матери. Эта жизнь, прошлое нищей барнаульской девчонки, сидела в ней как заноза, постоянно.

Отсюда, позволим себе предположить, и проистекал тот холодный аристократизм, которым бедная принцесса заслонялась от светских снобов и кое-как ведущих себя носатых родственников.

И что же? Куда теперь девать этот аристократизм?

Ныне она была как нищий Иов, как подлинно библейская героиня девушка Яэль, против которой ополчился весь мир, начав генетическое расследование...

И все это прямо накануне Рождества!

Раньше она хоть могла поехать в родной замок, в свою ледяную комнату в боковой башне, спуститься к гостям, получить подарки. Вспомнить деда, бабку… Любящих, родных людей, которые устраивали ей настоящий Новый год, и нетрезвого деда наряжали Дед Морозом, а бабушка пекла пироги с капустой.

Бабушка Ниночка!

Ляля кинулась в кладовку и, раскидав все, нашла старый ящик для благотворительности, но там ничего не оказалось.

И тут раздался громкий треск, как будто тряслась железная коробка.

Телефон лежал и трезвонил под свалкой книг. Яэль его не сразу обнаружила.

— Алло!

— Лялюша!

Бабушкин голос — далекий, гулкий, слабый.

— Баба? Ты где?

— Я в горах, — отвечал нечеловеческий, равномерно звучащий среди какого-то эха голос.

— А где, где? Я хочу приехать! На Рождество хочу к тебе!

— А я, доча, я между Индией и Непалом, на дороге. Снег идет. Ветер. Горы внизу. Я нища теперь, нища, снег, ветер…

— Я к тебе, я с тобой, бабуля! Я тебя люблю! — заплакала Ляля.

— Ну приезжай. Оденься получше, я вот замерзла… Птицы, птицы тут.

— Я привезу тебе все!

Тут связь прервалась.

Ляля вышла на улицу. Папарацци растворились в холодном воздухе, как призраки прошлого. Видимо, они уехали вслед за кабриолетом мамы Тани.

Через четверо суток замерзшая Яэль (напоминаем, что в переводе с библейского это имя означает «решительная») плелась вслед за проводником по ледяной горной тропинке наверх, в конец тибетской деревни. Уже стемнело. Бабушка больше не отвечала, может быть, у нее кончились деньги на телефоне.

Проводник втащил рюкзак Яэль в дверь почерневшего от старости каменного дома, втянул саму Яэль, получил от нее плату и сгинул. Оставалось подойти к хозяину, взять ключ и лечь спать. Четверо суток почти без сна. Самолет на Франкфурт, шесть часов до Дубаи, пять до Мумбаи, железная дорога, автобус, холодный джип.

Бабушку в Индии ей найти не удалось.

Теперешний отель стоял как раз на границе Индии и Непала, дальше дорога шла все выше и выше, к пятитысячникам.

Хозяин отвел бывшую принцессу на второй этаж в ее низенькую беленую известью клетушку, показал удобства в коридоре (бетон, дыра внизу и душ над дырой), а затем исчез.

После всех вокзалов и придорожных монастырей комнатка была просто раем.

Яэль села на кушетку и заснула.

Проснулась она от жуткого грохота. За окном пустили ракету. Было очень холодно.

Рождество, стало быть! Ничего себе праздничек.

Надо было спуститься вниз, хоть выпить горячего кофе.

Яэль, тяжело топая в своих навороченных, шипованных горных ботинках, вышла в холл.

Это была довольно большая низкая комната с барной стойкой и открытым очагом. Повсюду на полу сидели люди, велись неспешные разговоры. Все были одеты как Яэль, и, наверно, она тоже выглядела как они. Во всяком случае, ничем не выделялась — и никто не обратил на нее внимания.

Слава Богу.

Мало ли, гостиница, все друг другу чужие, и она как все, а то, что сейчас праздник — вот люди и спустились вниз. И она спустилась.

Яэль заказала кофе, хозяйка кивнула, достала жестяную мерку на длинной ручке, погрузила ее в большую кастрюлю с черной бурдой и налила это пойло в пластиковый стакан.

С кофе в руке Яэль стала искать себе место. У огня все было занято. Пришлось сесть под стеной, в углу, там на возвышении нашлось свободное место, небольшая приступочка. Ноги девать было некуда, они болтались. Принцесса подтянула коленки к подбородку, кое-как угнездилась. Но хорошо хоть удалось вообще где-то сесть в этом последнем месте на земле.

Яэль оказалась как бы над людьми, сидящими на полу, на пенках и подушках. Там по рукам ходили бутылки, там раздавался тихий смех, народ перешучивался.

Тихо-тихо Яэль стала пить то, что называлось кофе, опустив голову, чтобы ни на кого не смотреть. Взгляд — это тоже как просьба, в нем многое читается. Вечное одиночество в толпе, всегдашняя судьба принцессы. Нет, какой там принцессы, немолодой русской девушки на чужбине. Конец мира, конец жизни.

Как стыдно быть одной, никому не нужной в праздник, и еще позорней пытаться с кем-нибудь заговорить. Тем более что немытые руки… И наверняка грязное лицо. Нечесаные волосы. Заспанные глаза.

Нища, нища. Бабушке-то лучше, она знает свою дорогу, за ней монастырь, люди, которые ее ждут.

Иллюстрации С. Шведова и В. Дмитрюка

Найти бы бабушку, ходить с ней, собирать милостыню. Все же не одна.

Бурда была горячая, даже сладкая, и все-таки отдавала кофе. Жар и запах горящих поленьев от очага, пламя свечей по стенам, тихие разговоры, сладковатый табачный дым, стелющийся под потолком…

«Ну вот, я и пришла, хоть сюда. И хоть такое, но Рождество. И я не одна. Кругом люди», — подумала растроганная Яэль. У нее возникло даже какое-то чувство братства, первый раз в жизни.

Неожиданно кто-то из сидящих у огня обернулся, посмотрел на нее и со смехом воскликнул: «Она одна! Сделать, что ли, ей массаж ног?»

Кто-то сказал «О!». Все захихикали и замолчали в ожидании.

Что тут за народ? Яэль на всякий случай сосредоточилась на своем кофе. Вдруг похолодело в груди, стало неудобно торчать у всех на виду. Неловко! И даже страшно.

Но тут произошло что-то непонятное — в дверях стоял кто-то посторонний, кого здесь не было. Он, метнув недобрый взгляд на шутника, быстро прошел среди сидящих людей и возник перед Яэль. Замерзший, замотанный по брови мужчина. Видны были одни глаза. Он поздоровался, неторопливо размотал на себе пеструю шаль, высвободил свои длинные пушистые волосы, опустился к ногам Яэль и начал расшнуровывать ее мокрые ботинки, потом снял их, стащил и носки, и стал растирать замерзшие ступни Яэль своими горячими, необыкновенно сильными руками.

Она сидела окаменев. Это и есть массаж ног?

Народ теперь жужжал, занимался своими делишками, никто не смотрел в их сторону.

Но, наверное, здесь так полагается. Такая услуга.

Он буквально разбирал по косточкам ее пальцы, и, согрев, собирал их обратно.

Рождество, взрывы ракет за окном, морозная ночь в горах, горячий кофе и первый в жизни человек, который так решительно коснулся ее ступней.

Она жутко стеснялась и думала, как ему заплатить, а он вдруг привстал и поцеловал ее, поздравив с наступившим Рождеством…

— Привет! — наконец сказал он. — Меня зовут Кевин.

— Меня Яэль.

Гораздо позже Яэль узнала, что массаж ступней — это как бы предложение. Признание в любви, так сказать. Не для посторонних взоров.

Ее, грязную, усталую, чужую, люди в фенечках и шалях подвергли насмешке. Какому-то своему испытанию.

Кевину ничего не оставалось, как защитить ее.

Он больше так и не отпустил Яэль. Они вместе обходили монастыри в поисках Нины, а когда принцесса сломала ногу, он пронес ее через горы на закорках, он сидел с ней в местной больнице, когда ей накладывали гипс, и сидел с ней в Дели, когда ей этот гипс снимали и ругали предыдущих врачей за неграмотность, он учил ее многим вещам, бедный йог, американец из Флориды, ее гуру, как и она, человек без пристанища, Кевин.

Что такое поиск себя? Это иногда поиск другого человека.

И это Кевин ей в конце концов сказал: есть сведения, что русская женщина Нина К. умерла в дальнем монастыре пять лет назад. Ее там все почитали за кротость и доброту.

А кладбищ в горах не бывает… Монахов, видимо, оставляют птицам.

Через год удалось найти этот монастырь.

Все было, как говорила бабушка: снег, ветер, горы внизу, кричащие птицы. Яэль стояла замерзшая, вся в слезах, нищая. Однако ее охранял Кевин, которого ей подарила бабушка.

Затем прошло время, как оно всегда проходит.

У них теперь, у Кевина и Яэль, своя школа йоги и массажная студия, он научил принцессу всему, и в разное время в разных местах по земному шару они теперь вывешивают при дороге свой кусок красного ситца, на котором крупно написано рукой Яэль: «Yoga».

Это Флорида. Это Гоа. Это Шри-Ланка.

А телефон так и остался с Яэль. Может быть, когда-нибудь бабушка опять позвонит…

Фрида Вигдорова

Девочки (дневник матери)

Публикацию подготовила А. Раскина.

Продолжение. Начало в № 8–12 за 2010 год и в № 1–3 за 2011 год

Гале Кулаковской 10 лет 9 месяцев,
Саше Раскиной 5 лет 7 с половиной месяцев.

29 декабря 47.

Шура, уходя, говорит Саше:

— Отвечай, ребенок, всем: папа будет ровно в семь!

Саша повторяет: «Отвечай, ребенок, всем: папа будет ровно в семь!» и тут же, повернувшись ко мне, радостно заявляет:

— Мама, смотри, как я хорошо придумала: отвечай, ребенок, всем: папа будет ровно в семь!

*

В 3 часа ночи Шура разбудил Сашу и спросил ее:

— Сашенька, у тебя что-нибудь болит?

Отчаявшись, Саша спросонок ответила:

— Ухо...

Остаток ночи Шура не спал. Мало того, он побежал и разбудил меня, сообщив прерывающимся шепотом: «Фрида, Саша говорит, что у нее ухо болит». Я, грешница, повернулась на другой бок и опять уснула, успев только расслышать, как Анисья Матвеевна произносила шепотом какие-то бранные слова. Я даже не могу привести их тут.

Утром Саша встала веселая и здоровая.

*

Однажды к нам в гости пришли мальчуганы Боря (четвертый класс) и Гриня (седьмой). Умные мальчики, только немного скороспелые — отличники, начитанные и обо всем рассуждают с высоты своих десяти и тринадцати лет:

Гриня, разворачивая «Литературную газету»:

— Маршак переводит совсем неплохо.

Шура, робко:

— Я сказал бы даже, что он переводит хорошо.

Гриня, снисходительно:

— Пожалуй...

Галя страстно желала попасть в тон в этом умном, взрослом разговоре. Когда Гриня спросил ее, за какую футбольную команду она болеет, Галя ответила:

— За Динамо, конечно. ЦДКА играет очень серо.

При этом она умоляюще посмотрела на меня.

В таких случаях я обычно говорю: «Галя, не рассуждай, пожалуйста, о том, чего ты не понимаешь». Но на этот раз я ее пощадила и смолчала.

Саша смотрела на мальчиков почти набожно. Ей очень нравилось все, что они делали, и она с готовностью смеялась, когда догадывалась, что они острят.

30 декабря 47.

Сегодня Галя разбила 3 глубокие тарелки, 3 мелкие и 3 блюдца. Говорят, что посуда бьется к счастью.

*

Саша:

— Мама, знаешь, как мне горестно, что тетя Анися выходит замуж.

Все предыдущие няни относились к Саше очень ласково. Анисья Матвеевна разговаривала с ней примерно так: «Александра, садись, ешь!», «Александра, руки мыть!», «Еще раз полезешь в чемодан — руки оборву», «Закрой шкаф, а то руки обобью».

Саша очень часто бунтовала, пыталась не слушаться. А теперь ходит по пятам за Анисьей Матвеевной, обнимает ее и вообще действительно горюет.

31 декабря 47.

Саша:

— Мама, у нас есть книжка «Мертвые души»?

— Есть, а зачем она тебе?

— Мне она не нужна.

— Зачем же ты спрашиваешь?

— Я потому спрашиваю, что ее читал Витя Смидович из «Воспоминаний».

Я прочла девочкам несколько отрывков из «Воспоминаний» Вересаева: «Плюшкин магазин», про Машу Плещееву, про то, как Витя с Юлей собирали вишни, и т. д. Саше все это очень понравилось. Приходя домой, я часто застаю ее за «Воспоминаниями». Сидит и читает, как большая.

1 января 48.

Приехал жених и увез няню. Она прощалась с нами сердечно и даже всплакнула.

*

Дед Мороз принес Гале глобус и сласти. Шуре — носки и галстук. Няне и Саше — шоколад, мандарины, конфеты. Единственный человек, которому Дед Мороз не подарил ничего в нашем семействе, — Я.

2 января 48.

На днях Ирина Алексеевна [1] читала у нас свою повесть. Саша тоже слушала и под конец сказала:

— Так интересно, что у меня даже пальцы вспотели!

*

Я говорю:

— Сашуля.

Саша отвечает:

— Мамуля!

Я:

— Сашок

Саша:

— Мамок.

Я:

— Сашенция.

Саша:

— Маменция — Марк-Твенция.

*

Галя излагает Саше содержание «Тараса Бульбы»:

— ...И когда Андрий предался полякам, Тарас убил его и совершенно правильно сделал.

Саша подавлена. Галя поясняет:

— Ну вот, например, я перешла бы к немцам — что бы мама со мной сделала?

Саша, нерешительно:

— Убила бы?..

Галя:

— Конечно!

5 января 48.

У Саши есть свой взгляд на художественную литературу.

«Мама, — говорит она, — почему это Барто так прекрасно пишет?» Или: «Какие хорошие стихи у Трутневой, я хочу с ней познакомиться».

*

Саша, вдруг:

— Мама, если ты поженишься на другом муже, то уж лучше я помру.

— Что это тебе в голову пришло?!

— А я вспомнила, как один раз папа пришел, а ты спрашиваешь: «Принес что-нибудь сладкое?» А он ответил: «Нет, не принес». И тогда ты сказала: «Мне таких мужей не надо». Вот я и решила, что ты хочешь пожениться на другом человеке.

*

Саша, вместо «вспомнила» — «перепомнила»:

— А, теперь я все перепомнила!

6 января 48.

После отъезда Анисьи Матвеевны я кормила семью преимущественно сосисками и жареной колбасой. Почувствовав, что терпению домашних приходит конец, я решила сварить суп и сделать настоящее второе. Саша оценила мои усилия. Милая, добрая девочка, поев, она сказала:

— Спасибо за прелестный обед!

*

Саша, к вечеру:

— Мама, посмотри, как хорошо, как весело без няни. Давай, пусть у нас больше не будет нянь. Няни — они всегда то одно не разрешают, то другое.

— Так я ведь тоже не все разрешаю.

Саша:

— Если ты даже не разрешаешь, мне все равно приятно.

7 января 48.

Саша:

— Мама, почему старые коты ничего не любят?

— Кто тебе сказал?

— Видишь, я была в гостях у тети Сони и познакомилась там с котом. Ему 12 лет, он старше меня. И вот я его гладила, под шейкой гладила, за ушами, по усам погладила, спинку, а он не мурлыкал. *Тогда я поняла, что старые коты ничего не любят.*

Она постоянно кончает свои рассказы какими-нибудь умозаключениями.

8 января 48.

— Саша, ты чего плачешь?

— Потому что ты сердишься.

— Но ведь я не на тебя сержусь?

— Все равно, я не могу, когда ты сердишься.

Стоит мне нахмуриться, Саша испуганно восклицает: «Ой, все пропало! Ты сердишься!» — и плачет. К Шуре это не относится — он может сердиться сколько угодно. Я спросила Сашу, почему она не плачет, когда папа сердитый. Она помолчала, подумала и сказала:

— Папа сердится и молчит, а ты, если рассердишься, говоришь страшные слова.

— Какие слова?

— Ты говоришь: «Черт знает что!», «Какая подлость!».

Гм...

*

Саша, рисуя:

— Ах, глупая я баба! Не тем карандашом покрасила!

*

Саша:

— Мама, а волк понимает по заячьему языку?

11 января 48.

Сегодня Саша отбыла на Стреле в Ленинград.

Услыхав, что поедет она вместе с дядей Ираклием [2] и тетей Вивой, у которых есть дочка Манана, Саша изрекла: «Какие все имена чудные»!

Придя в купе, воскликнула: «Какая комнатка маленькая! Изолированная?»

А когда мигнул свет, спросила: «Ограничитель?»

И, наконец, увидев, что П. И. Лавут [3] закурил, осторожно сказала: «А я читала, что курить воспрещается».

(Я даже не подозревала, что у нее такой обывательский лексикон. Однажды за обедом она поразила нас следующей распошлой фразой: «Храните деньги в *избирательной кассе*!» — тут, видимо, перемешалась избирательная кампания со сберегательной кассой.)

Утром, когда Шура было раздумал брать ее, огорчилась, но вела себя сдержанно, только сказала:

— Какое у тебя слово неверное, как у царя.

Потом стала читать мне невообразимо длинную сказку под названием «Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что». Читая, поминутно спрашивала: « Страшно тебе?» и добавляла: «Не надо страшиться, все будет хорошо».

*

Галя увлекается книгой «Жизнь и приключения Роальда Амундсена». Все географические названия отыскивает на карте.

Галя с нетерпением ждала минуты, когда Саша с Шурой уехали, очень хотела поскорее остаться со мной вдвоем и теперь наслаждается моим обществом.

14 января 48.

Галя:

— Когда я получаю тройку, ты любишь меня меньше, чем всегда. А почему, если тебе статья не удается, я все равно люблю тебя по-прежнему?

— Потому что ты тройки получаешь по небрежности. Я же...

— Пожалуй, ты права.

15 января 48.

От Шуры пришло письмо.

Про Сашу он пишет так:

«Вела себя дочка безукоризненно, только боялась засыпать без меня (я стоял с Ираклием в дверях купе со стороны коридора), причем это вполне можно понять и простить. Я присел к ней, и она быстро уснула. Ираклий и Вива очарованы ею. Саше было все безумно интересно. Ираклий и Павел Ильич пели хором для нее. Кое-как переспав, мы подъехали к Ленинграду. Я внушал девочке, что надо слушаться бабушку [*Галину бабушку Валю.* — А. Р.], много гулять, научиться самой одеваться и приехать к маме здоровенькой, красненькой, голубенькой, беленькой... “Я не пластилин!” — сухо заметил ребенок, убив Павла Ильича наповал.

Встреча была роскошная, по первому разряду. Со всех сторон кинулись: бабушка Валя, дядя Илюша, тетя Руня [4] и дядя Шапиро с машиной (что особенно приятно)».

*

С нашими детьми не соскучишься: у Гали, кажется, аппендицит.

У Гали были: ветрянка, корь, скарлатина, свинка, дифтерит, коклюш, воспаление среднего уха. Когда нам показалось, что остались только сап и чума, Галя сломала ногу. Но, видно, и этим не исчерпалась ее изобретательность.

Неужели операция?

17 января 48.

Сегодня я отвела Галю в Филатовскую больницу. Она вела себя очень мужественно. Объявила врачу, что операции нисколько не боится, а мне сказала: «Я знаю, когда я уйду, ты перестанешь есть и пить. Так вот, очень тебя прошу: ешь, пей и не грусти. А лучше всего переезжай на Сретенку, чтобы не быть одной».

А в глазах — любопытство: что такое ждет ее там, в больнице?

На прощание Галя сказала так: «Мама, если ты будешь приносить сладкое, то пирожных не надо: пирожные трудно ломать. Лучше шоколад, он легко делится на дольки и можно будет поделиться с соседями».

Рукой Ф. А. написано: Это рисовал Тюша Типот-Соколов. Ему 7 лет. По-моему, очень талантливо. [Тюша упоминался в № 11 и 12 за 2010 год]

18 января 48.

Пришла я домой. Немыслимо тихо и пусто.

Галя пишет из больницы: «Дорогая мама! Меня положили к моим ровесникам-мальчикам. Ребята хорошие. Я одна между ними девочка, но они относятся ко мне хорошо. Днем сегодня дали передачу. Один мальчик, мой сосед (ему голову продавила машина), угостил меня яблоками и конфетами. Я уже с ним подружилась».

19 января 48.

«Муся! Спасибо за подарок. Он очень вкусен. Вчера меня смотрел хирург и сказал, что оперировать будет во вторник. Мамочка, я видела грудную девочку с тремя носами. Это *страшно*. Целую тебя. Галя».

20 января 48 (перед самой операцией).

«Дорогая мамочка! Спасибо за халат. (Кстати, как пишется это слово?) Чувствую себя хорошо. Сегодня меня будут резать. Бррр! Завтра мне можно есть только мандарины. Гив ми плиз».

А после операции она продиктовала сестре такое письмо:

«Мама, мне сделали операцию. Когда давали наркоз, я не плакала и вела себя хорошо. Сейчас чувствую себя хорошо. Не огорчайся».

Заместительница главного врача сказала: «Очень смешная и очень хорошая девочка. Когда шла на операцию, то все повторяла: нет, не буду плакать, нет, не буду плакать!»

Когда я пришла к ней на другой день, меня пустили в палату. Она лежала такая славная, с большими-большими прозрачными глазами, полными слез. Но сказала только: «Не обращай внимания, это просто так».

Ей говорить было больно, она тихо лежала, держа меня за руку. А девочка, ее соседка, и мальчуган — сосед с другой стороны — оба сказали: «Она у вас молодец, даже не стонала! И не мешала нам спать!»

И кто бы мог подумать такое про Галку, которая проливает слезы из-за сущих пустяков по три раза на день!

25 января 48.

Письма из Ленинграда. Валентина Николаевна сообщает, что «несмотря на все происки Шуры, температура у Саши нормальная». Саша писем не пишет, ссылаясь на то, что она не умеет писать букву «Я», а «Р» у нее выходит очень толстое.

Дорогая Генри [*См. примечание к записи от 15 января.* — А. Р.], к моему большому удивлению, утверждает, что «*Саша очень воспитанна.* Не дичится, со всеми здоровалась, прочла вслух басню Крылова, даже с выражением, хотя тут же созналась, что ничего не поняла. Очень милый маленький жучок. Я пыталась ее расцеловать, но она, очевидно, к этому не особенно привыкла».

И, наконец, Шура:

«Саша упивается общением с тремя (!) сразу детишками (13 лет, 6 лет и полтора года) [5]. Командует всеми, дерется даже. Ребятишки очень хорошие, любят ее. Девочка прекрасно ест, посвежела, порозовела, бывает на улице. Она свыклась с Ленинградом, обнаглела, позволяет себе не слишком слушать бабушку. Она шалит, прыгает — вообще больше стала похожа на обыкновенного человеческого детеныша.

Завтра она придет ко мне купаться, будет ночевать и толкать меня ногами под микитки.

У нее много недостатков, удивляющих Валентину Николаевну. Она мало что умеет делать сама, довольно противно ведет себя в коллективе. Кое-что здесь выравнивается, правда, довольно туго. Читает она сравнительно мало — это приятно.

Очень занятная головка. Упрямая. Уж который день добивается от меня ответа на весьма сложный вопрос: «Почему мы едим одно, а из нас выходит совсем другое?»

Валентину Николаевну она, по моим наблюдениям, заездила.

Как же ты живешь, кому отдаешь наши книги, не говоря уже о деньгах?» — последнее замечание относится непосредственно ко мне.

9 февраля 48.

Наконец-то Галя дома! Она пробыла в больнице 3 недели (вместо десяти дней), с тяжелой температурой: простуда, ангина. Господи, какое счастье, что она, наконец, тут!

*

Ленинградцы еще не приехали. Валентина Николаевна ругает меня в каждом письме: Саша не умеет ни одеться, ни раздеться, ни завязать узел, ни зашнуровать ботинки. «Столько взрослых вокруг, а ребенка ничему не научили!» — пишет Валентина Николаевна.

Все это, конечно, верно, но виновата в этом не я.

10 февраля 48.

Галя догоняет класс. Зубрит историю, географию и прочее.

— Мама, за что Екатерина вторая убила своего мужа?

— Ммм... потому что он был неумный и слабосильный, — не очень вразумительно отвечает мама, занятая очередной статьей в «Комсомольскую правду».

— А как бы ты поступила на ее месте? Так же, наверное?

Тут уж я бросаю статью:

— Неужели, — говорю я, — ты считаешь меня способной убить человека только за то, что он неумный?

После длительной паузы Галя произносит:

— Да, конечно, если бы ты способна была убивать неумных и слабосильных, ты давно бы убила меня...

Мы обе смеемся. Но я чувствую, что отвечала не так, не то и вообще нелепо. Но пускаться с Галей в длинные разговоры просто опасно: того и гляди — увязнешь.

*

Галя продолжает зубрить историю.

— Как же так, — в полном недоумении восклицает она, — «буржуазия, опираясь на революционный народ...» — как может буржуазия опираться на революционный народ?!

Или, в ответ на мои слова «Суворов был не только великий полководец, но и замечательный человек»:

— Да, замечательный, а восставших поляков подавлял. Как же так?

А я и сама не знаю — как. Или вот — дала я Гале читать «Петра I», переделанного [А. Н.] Толстым для детей. Она читает, и изумление ее не имеет границ:

— Как же, как же так? — почти вопит она. — Как же в учебнике написано и ты говоришь: «Петр — великий», «Петр — отважный», «Петр — смелый, мужественный», а ты знаешь, что он сделал, когда стрельцы восстали? Он сбежал! Он так поспешно бежал, что слуги помчались за ним с криком: «Ваше величество, Ваше величество, как же вы без портков-то? Портки-то возьмите!» Понимаешь, так струсил, что убежал без штанов! А ты говоришь — великий!

17 февраля 48.

Сегодня встретила Сашу. При виде меня она завопила: «Ура!!!» (Пробыла в отъезде месяц и 6 дней). Привезла с собой четыре новых туалета и очень кичится этим.

*

— Галя, — говорю я. — Вот послушай, что было: ученицы пятого класса узнали, что одна из их подруг очень нуждается. У нее не было ни обуви, ни теплой шапки. Вот они собрались, скопили денег, купили шапку и преподнесли девочке на сборе отряда. Как, по-твоему, правильно они поступили?

— Нет, — отвечает Галя, не задумываясь. — Они должны были отдать ей в одиночку, потихоньку, а не на сборе.

*

В больнице, куда Эдду положили на исследование, сосед ее, мальчик, нарисовал ей в альбоме сердце, пронзенное стрелой. Она сообщила Норе по этому поводу: «Один мальчик нарисовал мне какую-то репу с палкой».

*

Макс Жуков, попав с родителями в ЗАГС и увидев пальмы: «Мама, это Африка?»

27 февраля 48.

Пришла к нам вчера новая няня, Шура, немыслимо говорливое и общительное существо. У нее, как у солдата Швейка, на каждый случай есть своя история. Истории все какие-то неинтересные, нелюбопытные, но нескончаемые: слушаешь, слушаешь — и не видишь конца:

— А вот прихожу я в аптеку — вы только послушайте, и говорю: дайте, говорю, пожалуйста, лекарство. А мужчина, такой интеллигентный с виду, говорит: а кому вам лекарство? А я говорю: девочке, ребенку. А он говорит: а сколько девочке лет? «Десять, — говорю, — или, может, одиннадцать, я, говорю, у них недавно живу, не знаю точно — десять или одиннадцать, но, вернее всего, я так думаю, десять с половиною». Он и дал мне лекарство. Выхожу я, смотрю: в булочную очередь. «Что дают?» — спрашиваю. А мне говорят: «Батоны». «А, что, — говорю, — по четыре сорок, или по шесть?» Ах, думаю, по шесть, надо взять — и вы только послушайте, вспоминаю: денег-то я с собой не взяла, нет, вы только послушайте, стою и думаю: что же делать?..

*

Саша:

— Кто такой гигант?

— Очень большой человек.

Но отделаться этим нельзя:

«А гигант может поместиться в нашей комнате? А если станет на четвереньки? А во сколько раз Дюймовочка меньше гиганта? А во сколько раз гигант больше меня? А гиганты ходят в одежде или голые? А что гиганты кушают? Они добрые или нет? А может один гигант убить всех немцев?»

Все это не сразу, а порознь. Значит, голова продолжает работать, раздумывать.

— Мама, если страус будет драться с гориллой — кто победит?

*

Галя очень груба с Сашей. «Уйди. Не приставай! Отстань! Что ты лезешь? Терпеть тебя не могу!»

Ф. А. с девочками. 1948 г.

После моих замечаний наступает временное затишье, а потом я опять слышу то же самое. Саша переживает это с горечью. Она говорит: «Мама, почему у меня такая скандальная сестра? Роди ее обратно...»

Или: «Мама, преврати меня в пса, я тогда убегу, раз меня Галя не любит. И почему она меня не любит? Разве я плохая?»

Когда я говорю: «Галя очень любит тебя. Когда ты была в Ленинграде, она скучала», Саша возражает: «Галя вроде Золушкиных сестер. Сначала они ее обижали, а когда она уезжала с принцем, то просили Золушку их простить. Вот и Галя. Сама первая задирается и обижает, а когда я уезжаю — скучает».

*

На Галю очень сердиться не могу: она опять лежит. Может быть, это ревматизм, а может быть и что-нибудь похуже. Лежит, читает. Выглядит хорошо, но все время ощущает боль в колене, не острую, правда, но непреходящую.

28 февраля 48.

Саша:

— Мама, зачем на свете существуют микробы? Мы бы прекрасно обошлись без них.

Она же:

— А у милиционеров есть дети? Где же они живут — в милиции, что ли?

*

У новой няни обнаружилось еще одно опасное свойство:

— А завтра я приготовлю на второе котлеты. Я так их делаю: беру мяса, провертываю, лук жарю, перемешиваю... А потом пудинг: беру рис, отвариваю, беру изюму, перемешиваю... А еще вот пирог жидкий: беру дрожжей, взбалтываю, беру муки, яиц, перемешиваю... А вот когда я жила у Кожевниковых... А вот когда я жила у одних евреев...

От всех этих «взбалтываю», «перемешиваю», «поджарю», «поперчу», «а вот у Кожевниковых» у меня стоит непрерывный звон в ушах, и я с тоской вспоминаю тихую милую Нину, которая недавно жила у нас и, может быть, еще вернется... А эта — ходячая поваренная книга и говорливая до ужаса, до отчаяния, до безумия, до того, что темнеет в глазах.

29 февраля.

Сегодня папе Абе 62 года.

*

Саша:

— Мама, как мне быть: мой столик стоит в папиной комнате, а когда папа со мной в ссоре, то он не разрешает входить. Как же быть?

— Как быть? Не ссориться с папой.

Молчание. А потом:

— А знаешь, как трудно быть хорошей?

2 марта 48.

Саша:

— Мама, почему на свете так много рук? Моя рука — видишь? Потом ручка от двери, от корзины, от чашки и ручка, которой пишут.

Когда Саша рисует, и у нее получается что-нибудь очень уж страшное, она говорит: «Это Бармалей. Или жена Бармалея».

*

Я кончу тем, что убью нашу новую няню.

5 марта 48.

Я купила Саше старофранцузские сказки. («Хотел бы я видеть того сумасшедшего, который купит эту книгу!» — воскликнул Шура, когда в книжной лавке писателей ему предложили ее.) [6] Там есть сказка «Красавица и Чудовище» (вариант аксаковского «Аленького цветочка»). В этой сказке волшебница говорит Красавице: «Не верь тому, что говорят тебе твои глаза, спроси свое сердце, оно скажет правду».

Саша заездила меня своими вопросами и рассуждениями по этому поводу.

— Что глаза говорят, я понимаю, а вот что сердце говорит — не понимаю. Я его спрашиваю-спрашиваю, а оно молчит. Объясни мне, как оно разговаривает.

— Вырастешь большая, поймешь, — прибегаю я к спасительной формуле.

— Нет, ты мне сейчас объясни. Может быть, оно покалывает?

— Да, покалывает.

— И что же это значит, если покалывает?

11 марта 48.

Саша:

— Мама, смотри: целоваться очень просто — надо прикоснуться губами к лицу и чмокнуть.

Галя произнесла по этому поводу длинную речь:

— Если просто прикоснуться губами и чмокнуть, это будет поцелуй не настоящий. А чтоб был настоящий, надо любить. Тогда будет поцелуй искренний. Вот нас мама целует редко, зато от души. А ты вот действительно просто чмокаешь — часто и без толку.

11 марта 48.

Саша:

— Мама, если я совершу какой-нибудь хороший поступок, меня наградят?

!!!

*

Саша:

— Мама, я прочла в «Чуке и Геке», как надо поступать, если мне будет сниться плохой сон. Вот послушай: сон, конечно, не пружина и его нельзя просто выбросить, но его можно погасить. Ты возьми, переверни меня на другой бок, проведи рукой по лбу. Тогда я засоплю и улыбнусь. Это будет означать, что плохой сон погас.

12 марта 48.

Саша, на ухо, доверительно:

— Мама, почему у папы такой большой нос?

В самом деле!

15 марта 48.

Галя:

— Саша, если бы Гитлер предложил тебе съесть за миллион рублей лягушку, ты бы съела?

Саша, после очень долгого раздумья:

— Ну что ж, съела бы, ведь французы едят лягушек?

Галя, презрительно:

— Съела бы гитлеровскую лягушку?!

Саша, испуганно:

— Ой, я забыла, что это Гитлер предложил бы. Нет, от Гитлера, конечно, ничего не съела бы.

16 марта 48.

Сегодня маме Фриде исполнилось очень много лет [примечание Ф. А.: *33 года*].

19 марта 48.

Саша:

— Галя уехала на Сретенку, а я тем временем научилась целоваться от души.

Минуту спустя:

— Мама, мне что, чмокнуть тебя или поцеловать от души?

20 марта 48.

У Сашки сложные и интересные ассоциации:

— Мама, видишь эту нитку? Я завязываю на ней узелки, но она не становится от этого короче. Совсем как с сундуком в сказке «Красавица и чудовище», помнишь? Там купец накладывал в сундук золотые монеты, а места в сундуке становилась все больше. Вот и нитка: я завязываю на ней узелки, а она становится длинней. Наверное, волшебная нитка.

*

В ответах своих Саша очень нагла.

— Саша, зачем ты бежишь на мостовую?

— Хочу, чтобы машина меня раздавила.

— Саша, зачем ты играешь вилкой?

— Хочу выколоть себе глаза.

Шура:

— Я тебя не буду любить.

Саша, спокойно:

— А я еще больше не буду слушаться.

*

У Саши выпадают зубы, она по-старушечьи шепелявит. («Я шепевеляю», — говорит она.)

21 марта 48.

На днях Саша спрашивала меня, что такое лесть. Я объясняла долго и запутанно и, в конце концов, свела понятие лести к лицемерию. (Впрочем, если вдуматься, это ведь одно и то же.) Тогда я не знала, поняла ли Саша что-нибудь из моего объяснения. Но вот сегодня она говорит:

— Мама, во мне есть лесть.

— ?

— Когда тетя Шура дома, я говорю: «Какая вы хорошая». А когда ее нет, я говорю: «Тетя Шура сумасшедшая».

— Зачем же ты так делаешь?

— Потому что она мне не нравится.

— Зачем же ты говоришь, что она хорошая?

— Так я ведь еще не знала, что лесть — это нехорошо.

*

Саша:

— Мама, как ты думаешь, я тебя люблю?

— Не знаю.

— Ну подумай. Сообрази.

(Продолжение следует)

[1] Писательница И. А. Печерникова.

[2] Ираклий Луарсабович Андроников.

[3] Тот самый «тихий еврей Павел Ильич Лавут» из поэмы Маяковского «Хорошо!».

[4] В Ленинграде жила семья очень близких друзей Ф. А. и А. Б.: литературовед Илья Захарович Серман, его жена Руфь Александровна (будущая писательница Руфь Зернова), их дети Ниночка (родилась в 1944 году) и Марик (Бубик) (родился в 1946 году), а также мать И. З. Генриетта Яковлевна (Генри). Все они будут еще не раз упоминаться в дневниках Ф. А.

[5] В Ленинграде А. Б. жил в гостинице, а Саша — у Галиной бабушки Валентины Николаевны; «детишки» — соседи по коммунальной квартире.

[6] Это было роскошное дореволюционное издание, очень дорогая книга. Ф. А., покупая ее, не знала, что А. Б. уже ее видел и отказался купить.

Ги Жильбер

Поговорим о твоих сорванцах

«Я беру их под свое покровительство из-за их невообразимой душевной бедности, из-за судьбы, разрушенной ураганами исковерканного детства. Я их воспитываю, я их кормлю, я их лечу, я их наказываю, я их утешаю, я их прощаю, я им помогаю. Я прохожу с ними вместе долгий путь, по крайней мере, до их совершеннолетия, а часто и много дальше. Моя задача — помочь им вырасти в смысле практическом, моральном и эмоциональном, короче говоря, поставить их на ноги. В этом и состоит для меня евангелизация.

И пусть меня не просят помалкивать, потому что у меня самого нет детей. Есть, и еще сколько! Один тип из моего квартала как-то сказал: «Моя дочь — это твоя дочь, кюре!» Не удивляйтесь. Двадцать пять лет назад я помог его жене сохранить ребенка. И таких детей у меня множество».

Этими словами начинается книга французского священника Ги Жильбера «Поговорим о твоих сорванцах». «Они» — это трудные подростки и молодые люди, с которыми отец Жильбер работает уже сорок пять лет. Ему самому сейчас семьдесят пять. Но этого не скажешь ни по его манере держаться, удивительно простой и естественной, ни по внешности (длинные волосы, черная кожаная куртка с множеством значков, джинсы и разбитые ковбойские сапоги). Он одевается так из солидарности со своими подопечными, на которых полицейские нередко косятся с подозрением. (Конечно, для церковных служб и торжественных случаев у него имеется белый стихарь.)

Ги Жильбер родился в маленьком городке недалеко от Ла-Рошели. У него было четырнадцать братьев и сестер. Жили дружно, все домашние заботы делили поровну. Еще подростком Ги осознал свое призвание — он должен стать священником — и впоследствии поступил в семинарию. В двадцать два года его мобилизовали и отправили на алжирскую войну. В боевых частях он как семинарист не служил, но видел ужасы и жестокости, совершаемые обеими воюющими сторонами.

После окончания войны Ги закончил в Алжире духовную семинарию и стал священником. Ему выделили сельский приход.

В это время произошло событие как будто неприметное, но оказавшее огромное влияние на всю последующую жизнь Ги Жильбера. Как-то поздно вечером он буквально подобрал на улице мальчишку по имени Ален, сбежавшего из дома, где с ним обращались нечеловечески жестоко. Вначале Ги просто хотел пустить его переночевать, но назавтра не хватило духу выгнать Алена на улицу, и тот так и остался жить у Ги. Долгое время Ален вообще не хотел разговаривать. Потом отошел, стал рассказывать о своих уличных приятелях, чаще всего таких же бедолагах, и просить за них: с одним нужно было просто поговорить, другому дать совет... Разумеется, отказать Ги не мог. Благодаря этим беседам к нему, как он пишет, пришло озарение: «евангелизировать — значит повернуться лицом ко всем, кто нуждается в помощи, независимо от их веры и происхождения». К тому же, общаясь с уличными мальчишками, Ги постепенно приобретал навыки воспитателя.

О своих новых «функциях», никак не связанных с приходской деятельностью, Ги рассказал архиепископу Алжира, мудрому человеку широких взглядов. Тот выразил полное одобрение. «До сих пор у нас не существовало уличных священников, будете первым. Значит, одна нога в церкви, другая на улице. Только чтобы обе крепко стояли на земле и каждая на своем месте».

В тот момент Ги не представлял, насколько этот опыт пригодится ему в будущем.

Приход Ги был невелик. Как известно, после провозглашения независимости Алжира подавляющее большинство живших там французов бежало из страны. Церкви разрушались. В конце концов не избежала этой участи и церковь, где служил Ги. На ее месте построили мечеть.

Священники, оказавшиеся не у дел, уезжали из Алжира. Ги поступил иначе. Он собрал вокруг себя большую группу местных подростков и стал для них кем-то вроде вожатого. Устраивал поездки по стране и летние лагеря, занимался музыкой и театром, организовал киноклуб. Освоил арабский, прочел Коран и даже отмечал Рамадан со своими питомцами. Он никого не обращал, максимум — отвечал на вопросы о христианской религии. Все его подопечные как были, так и остались мусульманами.

Так продолжалось несколько лет, но внезапно все оборвалось. Ги Жильбера обвинили в прозелитизме — стремлении обратить других в свою веру — и потребовали немедленно прекратить всякую деятельность. Это был чисто политический шаг — алжирские власти хотели целиком подчинить молодежь своему влиянию. Ги Жильберу ничего не оставалось, как вернуться во Францию. Но он по-прежнему поддерживал связь со многими из своих бывших подопечных. Один из них, ставший специалистом по лечению ожогов, так объяснил свой выбор: «Эти люди невероятно страдают, а ими никто не хочет заниматься, потому что от ожогов идет ужасный запах». Он же как-то написал Ги: «Своим детям я старался передать то, чему ты учил меня: уважение к другим, толерантность, бескорыстную любовь, щедрость. Спасибо, Ги».

Вернувшись во Францию, Ги Жильбер присоединился к небольшой группе парижских священников-энтузиастов, работавших с трудными подростками. Для этого пришлось прослушать особый курс, необходимый для получения диплома «специализированного воспитателя». Вряд ли этот курс мог чему-то научить Ги. Один из преподавателей явно «был знаком с хулиганами только по комиксам», а чтобы понять другого, «требовалось пять словарей». Как в свое время арабский язык, так теперь Ги освоил жаргон и поведенческие коды «детей улицы». Иначе общение было бы просто невозможным. Темпераментный и острый на язык, Ги успешно применяет свои «знания» на практике. Так, парню, особенно цинично расписывавшему свои «подвиги», он дал пощечину, коротко и выразительно объяснив, за что. Но такая реакция все-таки исключение. Обычно со своими подопечными Ги разговаривает спокойно и мягко, лишь иногда прибегая к строгому авторитетному тону (если нужно, и крепким словечкам).

Очень многим отец Жильбер помог выйти в люди. К семидесятилетию его наградили орденом Почетного легиона. В 2007 году он сопровождал президента Франции Саркози в официальной поездке в Ватикан. Но иногда Ги Жильберу приходилось очень тяжело. Он рисковал жизнью, оставаясь наедине с опасным наркоманом или алкоголиком. Бывает, что его подопечные попадают в тюрьму (где он их непременно навещает). Кстати, к помощи отца Жильбера обращаются и представители ювенальной юстиции.

Обо всем, что было сделано и пережито, Ги Жильбер рассказал в своих книгах (их больше тридцати). Он выступает по радио, читает лекции в разных городах Франции, встречается со школьниками. Тема одной из недавних встреч: «Ты единственный в своем роде. Как ты распорядишься своими дарованиями?» В этих словах — кредо отца Жильбера: каждый человек уникален, в каждом есть что-то хорошее, это хорошее обязательно нужно разбудить, чтобы дать человеку силы поверить в себя.

Книга «Поговорим о твоих сорванцах» адресована родителям, а также бабушкам и дедушкам. Она ценна как отражение многолетнего разнообразного опыта незаурядного и талантливого человека.

Убеждения, моральная твердость

Воспитание требует, с одной стороны, авторитета, с другой — понимания. Но не давите на ребенка и не считайте себя непогрешимым. Точно так же не отступайте в сторону под предлогом того, что «свобода возвеличивает», развивает индивидуальность и чувство ответственности. Детям нужна твердая рука и солидные убеждения.

Сегодня более, чем когда-либо, молодые стремятся в моральном плане померяться силами со старшим поколением. Они сами вырабатывают свои убеждения и вовсе не ждут, что вы с ними согласитесь, но упорно хотят услышать ваше мнение. Что им больше подходит, они решат потом.

Если дети выдают вам истины монументальные, как египетские пирамиды, не удивляйтесь, — подростки больше всего на свете любят провоцировать. На самом деле у них очень мало опыта, а идеи постоянно меняются под влиянием впечатлений последней минуты. Подростки и сами ощущают хрупкость своих убеждений. Как бы они ни оспаривали ваши мысли, ваш опыт, они обязательно хотят с ним познакомиться. Пусть отрицают все, что вы говорите. Можете быть уверены: то, что вы делаете и, главное, что собой представляете, отпечатывается у них в мозгу, как на магнитофонной ленте.

Допустим, я по натуре самостоятелен и характер у меня твердый. Но если в детстве мне будут всё позволять, эти достоинства безусловно превратятся в недостатки, и я так и потащу их за собой по плохой дорожке.

Сколько нынешней молодежи увязает в зыбучих песках миражей, куда толкают ее собственные родители! Легче всего выпустить ребенка в пространство, открытое всем ветрам безответственности, вседозволенности и мнимой самостоятельности: «Решай сам!»

Не оспаривайте ценностей, дорогих сердцу вашего сына или дочери. Но беседуйте о том, что дорого вам, и не смущайтесь, если вас назовут «ретроградами» или «мещанами». Ваши ценности вечны, потому что основаны на усилиях, взаимоуважении, толерантности, честности, искренности и верности.

Одним словом, твердые убеждения и диалог — постоянный и дружелюбный.

Взрослые кисло улыбались

Несколько лет назад я выступал в Квебеке. Обычно перед лекцией дети разыгрывали сценки или декламировали тексты, где в юмористической форме представляли свои проблемы. Я получил от этого огромное удовольствие. Особенно мне запомнился светловолосый мальчишка лет двенадцати с хитрыми живыми глазами. Вот его речь.

«В понедельник вечером мама с папой ходят на приходские собрания. Они образцовые христиане и регулярно выполняют свои духовные упражнения.

По вторникам у родителей гимнастика. У обоих лишний вес, так что спорт им необходим, чтобы похудеть.

В среду они встречаются с психологом. Кажется, там они обсуждают, как надо со мной общаться.

В четверг они помогают священнику готовить воскресную мессу.

По пятницам мы уезжаем за город. Но за неделю они так устают, что общаться со мной у них нет сил».

Дети в зале хохотали взахлеб. Взрослые кисло улыбались.

Время диалога

Я всегда повторяю родителям: «Пока они еще не разлетелись из гнезда, общайтесь с ними. Это так важно! Общаться не значит обязательно разговаривать. Часто бывает достаточно жеста, взгляда, совместных занятий спортом или совместного отдыха. И потом во время еды выключайте этот чертов телевизор. Он-то больше всего и мешает диалогу. У ваших детей и без того есть компьютер, дающий возможность виртуального общения, которое никогда не заменит настоящего».

Господи, преврати меня в телевизор

Господи, Ты такой добрый и любишь всех детей на Земле. Я прошу Тебя о великой милости: преврати меня в телевизор, чтобы родители заботились обо мне так же, как заботятся о нем.

Господи, Ты можешь сделать так, чтобы мама проявляла ко мне такое же внимание, как к своему любимому сериалу, а папа такой же интерес, как к выпуску новостей?

Я очень хотел бы, чтобы мне прощали ошибки во французском, как прощают их журналистам. Еще я хотел бы научиться говорить, как телеведущие. Их все слушают в полной тишине. А стоит мне открыть рот, как сразу же: «А ну-ка помолчи...»

Если с телевизором что-то не в порядке, родители тут же вызывают техника. Как было бы хорошо, если бы они и обо мне так беспокоились!

Скоро у меня появится младший брат. Я очень надеюсь, что родители не поступят со мной, как со старым телевизором, который они убрали в чулан и больше никогда не смотрят.

Как бы я хотел быть лучшим другом и любимым героем папы и мамы!

Господи, преврати меня в телевизор хотя бы на один день!

Станьте «антигероями»

Родители! Стремясь продемонстрировать свою силу и мужество, не переигрывайте. Пусть дети видят перед собой не супермена или героя, а «антигероя». Что я имею в виду? Для молодежи, живущей в обществе потребления, кумирами нередко становятся эстрадные певцы или спортсмены, которым платят миллионы. А то и парень из вашего же квартала, нажившийся на всяких сомнительных махинациях и разъезжающий в шикарной машине. Молодым нужны другие примеры — тех, кто близок к ним и помогает подниматься все выше, как ведущие в альпинистской связке. Дети должны знать о ваших трудностях и о том, как вы их преодолеваете, в чем ваша сила. Именно это помогает им взрослеть и лучше узнавать жизнь.

Мне доводилось слышать, как разговаривают с детьми родители, озабоченные их будущим. Поразительно — всегда одни и те же слова! Обязательно чего-то

Как вырастить хулигана (памятка для родителей)

— *Исполняйте все его желания, причем немедленно.*
— *Никогда не говорите «нет». Это может его травмировать.*
— *Не прибегайте к наказаниям. Если не удержались и чем-нибудь пригрозили, тут же возьмите свои слова обратно, попросите прощения и закончите крепким поцелуем.*
— *Не щадите общество, в котором он живет. Ведь ваш сынок или дочка так любят по любому поводу заявлять, что кругом одна глупость, идиотизм и бессмыслица. Никогда не упоминайте о том, что хорошего есть в окружающем.*
— *Не стесняйтесь при нем ссориться и вообще выяснять отношения. Это лучший способ подготовить ребенка к вашему разводу.*
— *Если вы совершили ошибку, объясните ему, что в этом виноват кто-то другой. Ребенок быстро усвоит: что бы он ни натворил, вина всегда будет лежать на обществе и вообще на «других».*
— *Не мешайте ему включать телевизор или компьютер в любое время суток. Звуки и образы займут его ум и сердце.*
— *Вашему отпрыску уже восемнадцать или двадцать лет, а он целыми днями валяется на диване и даже не думает искать работу? Значит, он еще нуждается в тепле домашнего очага.*
— *Если он оскорбил учителя и тот выгнал его из класса, немедленно отправляйтесь в школу и в присутствии вашего отпрыска выскажите педагогу-палачу все, что вы думаете о его репрессивных методах.*
— *Никогда не говорите с сыном или дочерью на темы морали, духовности, внутренней жизни. Подрастут — сами разберутся.*
— *Не просите их помочь по дому. Но обращайтесь в слух, когда они критикуют приготовленный вами обед или ужин.*
— *Кстати, скажите ему, что работу он все равно не найдет из-за иностранцев, которые едят его хлеб.*
— *Обязательно снабжайте его карманными деньгами, — и чтобы их было не меньше, чем у его приятелей. Иначе представляете, какое он испытает унижение!*
— *Если обнаружится, что ваш бумажник сильно «похудел», спиртное постоянно улетучивается, а пепельницы полны окурков, — ну что ж, бывает... Когда-нибудь пройдет.*
— *И если вам позвонят из полиции и попросят прийти, потому что ваш отпрыск попался на краже или на сбыте наркотиков, смело отвечайте: «А мне какое дело? Это его проблема». И постарайтесь вспомнить все плохое, что вы постоянно думали об этом негодном сыне или дочери.*

«достичь», быть среди «выигравших», а не «проигравших», добиваться «успехов» и избегать «неудач». Но ведь и в неудачах есть свой смысл! Как писал Рабиндранат Тагор: «Закройте дверь перед всеми ошибками, и истина не сможет войти».

Что касается «успехов», они обычно отождествляются с деньгами. «Есть у тебя деньги, ты уважаемый человек, нет — ты никто», — это часто повторяют детям. Деньги — самый зловредный наркотик.

В школах я обычно спрашиваю учеников: «О чем ты мечтаешь?» И нередко слышу: «Зарабатывать много денег». До чего же грустно и неприятно! В старших классах я ставлю вопрос иначе: «Куда бы ты хотел пойти учиться?» И опять ответ, наводящий тоску: «В Высшую торговую школу». Я настаиваю: «Тебя привлекает именно это? Только об этом ты и мечтаешь?» Иногда они задумываются и начинают колебаться.

Я никогда не желаю молодым успешной карьеры. Я желаю им осуществить свою мечту.

Обращение к бабушкам и дедушкам

Бабушки и дедушки! Я знаю, что вы часто теряетесь перед внуками. Правда, что за последние сорок лет нравы и ментальность молодых изменились больше, чем за несколько столетий. Но ведь ваши внуки в этом не виноваты. Так что сокращать дистанцию придется вам.

Вас поражает их язык? Прислушайтесь внимательней, постарайтесь запомнить их словечки и выражения и время от времени вставляйте их в разговор. Это только облегчит вам общение.

Воздерживайтесь от комментариев относительно их одежды или стрижки. Не реагируйте на саркастические замечания о «предках». Поймите: любой взрослый для них вроде динозавра. Но это не значит, что к ним постоянно нужно подлаживаться. Иногда стоит и доспехами побряцать. «Кевин, не может быть и речи, чтобы твоя девчонка торчала у нас все воскресенье. Идите милуйтесь еще куда-нибудь, а нам дайте отдохнуть»; «Своих приятелей можешь сюда приглашать, пожалуйста, — только чтоб не курили или, по крайней мере, не разбрасывали окурки»; «Очень прошу, возвращайся, как мы условились, не позже, а то мы будем волноваться. Если бы нам было на тебя наплевать, мы бы ничего не говорили, но ведь мы тебя любим».

Бабушки и дедушки, у вас достаточно свободного времени и душевных сил; для внуков это как живительный источник, из которого они черпают при каждой встрече. Пусть этот источник никогда не иссякает. Ваши внуки нуждаются в доброжелательных слушателях, с которыми можно поделиться. Родители, сами в состоянии вечного стресса, все реже и реже выслушивают детей. Особенно в случае развода. Тут ваша роль особенно велика.

Сколько подростков писали мне, как много значит для них ваше сердце и ваше внимание. Вы незаменимы. Внуки будут вести с вами доверительные беседы. Может, вам придется послужить буфером между детьми и родителями. Конечно, забот и волнений прибавится. Ничего, не развалитесь. Наоборот, почувствуете себя моложе.

Общаясь с внуками, старайтесь внушать им оптимизм и надежду на будущее. Никогда не копайтесь при них в грязном семейном белье. В жизни ваших внуков хватает напряженности, трудностей и конфликтов, они и так видят вокруг себя всякие гадости. Проблемы старшего поколения их не касаются. В жизни каждой семьи есть светлые, радостные моменты, — вот что должно остаться в памяти молодых.

Мне известны случаи, когда детям, с их искренностью и спонтанностью, удавалось примирить враждующих родственников, собрать вместе разбросанных членов семьи. Благодаря своей непосредственности и отсутствию предубеждений ребенок легко вступает в контакт с родными и сводит их вместе; порой это иначе как чудом не назовешь.

Никогда не запрещайте детям встречаться с тем или иным членом семьи, разве только в случае опасности.

Если у вашей семьи имеется какое-либо солидное имущество, не привлекайте к этому внимания внуков. Они и без того постоянно сталкиваются с убожеством и соблазнами мира потребления. Не хватало еще, чтобы они стали высчитывать, какая доля наследства им положена.

Как ни странно, молодые тянутся к духовности, иногда к вере. Их родители, замученные работой и желающие лишь одного — преуспеть, давно потеряли интерес к таким вещам. Вы, бабушки и дедушки, должны помочь внукам в их духовных исканиях.

Только никакого давления, никакого прозелитизма! Хуже нет, чем насильно таскать ребенка на воскресную службу. Дети должны знать: вы их любите, всегда готовы выслушать и в меру своих сил помочь. Тогда ваше поведение естественным образом будет ассоциироваться для них с вашими убеждениями.

Другой взгляд

Сколько раз я повторял родителям, жалующимся на своего «проблемного ребенка»: «Он и так себя ни во что не ставит, а вы его еще принижаете. Что ж удивительного, если он пойдет по плохой дорожке. Измените отношение к нему, и он тоже изменится».

Самое важное — сказать ему: «Ты для меня очень много значишь. Я научу тебя хотеть и мочь. С твоими способностями все возможно».

Как-то я сказал одному парню, действительно трудному: «У тебя большое будущее».

Ежедневный развлекательно-познавательный **интернет-портал «СОЛНЫШКО» приглашает на страницы своего сайта детей и любящих их взрослых!**

Новое в мае 2011 года:

— фотовикторина «Есть на Волге такой город»;

— майские фотоконкурсы детского обаяния;

— к выпускным праздникам: новые сценарии, песни и ноты;

— майские развивающие стенгазеты для детей 6–12 лет;

— детский ежедневный астрологический прогноз на май

и многое-многое другое.

Добро пожаловать на сайт *www.solnet.ee*!

— Ты что, издеваешься? Мне сейчас пятнадцать, а школу я бросил в десять лет.

— Если ты поймешь, какие возможности в тебе скрыты, и будешь вкалывать изо всех сил, то сумеешь нагнать все, что было упущено за годы, которые ты выбросил псу под хвост.

Верить в них, надеяться и любить. Никто из них не может устоять перед дружеским теплом взрослого. Даже самые отчаявшиеся, которые не понимают, как можно любить таких, как они.

Сказать подростку: «Я верю в те бя» — очень-очень важно. Конечно, он не будет выполнять всех ваших указаний (иногда не по злой воле), но ничего, вы ему напомните. Так же важно сказать, что вы верите в будущее, особенно когда он теряется и не знает, как ему быть.

Любить — значит изо всех сил стараться увидеть то хорошее, что есть в глубине души каждого человека, и помочь ему самому осознать это. Не существует более высокой цели. Только доброжелательный взгляд близких людей может спасти нас от отчаяния.

Сегодня, когда, беспокоясь о будущем, многие задаются вопросом, какую планету мы оставим нашим детям, я предложил бы задуматься о другом: каких детей мы оставим нашей планете?

Введение и перевод с французского И. Дмоховской (Париж)

Рассказы

Назад, скорей назад!

Когда я приехал в летний лагерь, то первым и последним, что я себе сказал, было: я хочу назад! К маме, которая готовит на завтрак вкусный кофе с молоком. К бабушке, которая печет по выходным лимонные булочки. К моим друзьям, с которыми можно сколько угодно бегать и болтать безо всяких вожатых и, уж конечно, без тихого часа. И хотя, спустя две недели, я приспособился к лагерному режиму и даже подружился с тамошними беспризорными котами, мне все равно хотелось назад. Не то чтобы я думал, будто дома лучше, но просто я скучал, и все, оставленное позади, казалось мне грустным и добрым, почти недостижимым в тот момент.

По вечерам, когда я ложился спать, я представлял себе наш туалет. Я мечтал о нашем туалете. Ну, о том, который дома. Потому что в лагере туалет стоял на улице, и, чтобы до него дойти, надо было вставать, одеваться, пробираться по темноте на улицу. И вообще, там противно пахло, не было туалетной бумаги и водились мокрицы.

Еще я представлял свою любимую лампу — для чтения в кровати. Это лампа на длинной-длинной ножке, ее можно вертеть как угодно, чтобы свет падал именно туда, куда надо.

И еще я представлял свою кровать, которая не скрипит от каждого движения и… на этом месте я обычно засыпал.

Так я прожил целый месяц, закрашивая на календаре дни до своего возвращения домой. Но когда я наконец достиг нужной даты и приехал домой, то первым и последним, что я себе сказал, было: я хочу назад!

Я ходил вокруг да около, я боялся признаться себе в своей ужасной мысли, я лавировал, пытаясь ее обогнуть, обойти, проскочить на красный свет, обыграть всухую — всё напрасно. После нескольких неудачных попыток я понял окончательно и бесповоротно: я хочу назад.

Ложась спать, я представлял себе чистое небо и летний воздух, я вспоминал, как смешно, словно в ритме джаза, кукует лагерная кукушка, как пахнет с утра трава перед покосившимся сараем с велосипедами и как я ложусь в скрипучую постель такой уставший, что засыпаю, не в силах прочитать ни строчки.

Все то, о чем я мечтал в лагере, теперь, дома, казалось совершенно ничтожным и ненужным. Я не мог понять, почему так торопился домой, и почему, покинув лагерь, заново его полюбил. Полюбил со всеми недостатками, серьезно! Даже туалет на улице!

— Не понимаю, как это работает? — спрашивал Валя, наморщив лоб, словно семидесятилетний старик.

— Ну, просто, когда я там, я хочу назад, но когда я тут, то хочу назад! — кричал я, размахивая руками.

— То есть, когда ты там, ты хочешь сюда, и когда ты тут, то хочешь… тоже сюда?

— Нет, нет, нет, ты не понял, я хочу туда!

— Ты хочешь туда? Но ты же сказал, что там ты хотел сюда?

— Я хотел сюда, когда был там, а теперь хочу туда!

— А-а-а-а-а! — Валя улыбнулся, и вдруг его лицо снова сделалось озабоченным. — Нет, я не понимаю.

Я тоже не понимал. В этом-то и была вся загвоздка. И чтобы разобраться, мне нужен был второй шанс. Я должен был прочитать задачку снова и снова ее решить. Меня вовсе не радовала перспектива всю оставшуюся жизнь курсировать между домом и лагерем, домом и другим городом, домом и другими странами, домом и целым миром — наслаждаясь счастливыми моментами лишь в дороге, когда я еду, но еще не приехал, когда я скоро буду где-то, но пока еще нигде. Я не желал мириться с тем, что счастливое место не там, где я.

— Лучше там, где нас нет, малыш, это всякий взрослый человек знает, — смеялся папа, стараясь меня утешить.

— Не забивай ребенку голову, пусть себе скучает по лагерю, потом опять поедет, — говорила мама.

Прошло несколько месяцев, и на зимних каникулах я попросил родителей отправить меня в лыжный лагерь. На самом деле, лагерь был тот же самый, что и раньше, только зимой он назывался — лыжный лагерь.

Я собрал свой огромный рюкзак, до отказа набил его конфетами и чипсами (чтобы хрумкать ночью, пока вожатая спит), подготовил ноздри, глаза и уши, полные надежды на летний воздух и кукуканье кукушки, сел в поезд и… О кошмар! О ужас! Я не предвидел самого страшного — того, что зимой лагерь выглядит совершенно иначе! Никаких зеленых листьев, никаких ночных прогулок в туалет — оказалось, что зимой всем раздают ночные горшки! — никаких песен под елкой, и ни одного, даже маленького, вот такусенького «ку-ку».

На второй день лагерной жизни я с прискорбием признался себе в том, что — тут я глубоко вздыхаю, хватаясь за голову, — в том, что… я хочу назад. Понятное дело, сразу мне назад возвратиться никто не позволил, и я провел в лыжном лагере, как и положено, две недели. Две недели: тик-так, тик-так, две недели я следил за стрелкой часов, в ожидании

того, что она в конце концов сделает остановку на станции «Мой дом».

В этот раз к дому я подъезжал с опаской. Затаив дыхание, я ждал первую и последнюю мысль, которая возникнет в моей голове, чуть только я окажусь дома. Я пытался подготовить себя к правильной мысли, но точно знал, что от меня ничего не зависит. Либо я снова заскучаю по лагерю, либо нет.

— Это было странно, особенно после блина с вареньем, — неспешно рассказывал я Вале.

— С каким вареньем? — заинтересовался Валя.

— Речь не о варенье! А обо мне! После блина с вареньем я понял, что хочу назад.

— Но ты же говорил, что лыжный лагерь тебе не понравился и ты хотел домой?

— Ага. А теперь хочу назад.

— В лыжный лагерь?

Я задумался. Не в лыжный лагерь. Я хотел назад в летний лагерь, туда, где я был таким счастливым, и туда, куда невозможно было возвратиться. Теперь я знал наверняка, что нельзя возвратиться в одно место дважды, потому что и место, и ты сам за время разлуки — всё изменяется. Но я также знал, что счастливое место — это не место, где тебя нет, а место, где ты когда-то был.

Принц Моцарт

Когда мой папа ушел с работы, моя мама долго на него кричала. Так долго, что я даже перестал есть пирог с капустой. Папа в тот момент походил на большую новогоднюю свечу, которая медленно-медленно тает, расползаясь в разные стороны, и в конце концов превращается в застывшее белое озеро. Такое озеро — цвета белого шоколада. А мама при этом оставалась абсолютно твердой. Твердой, как корочка перепеченного пирога. И безжалостной. Ее нос, рот, волосы — все сделалось безжалостным.

И вот мама трясет головой, отчего короткие торчащие волосы у нее на голове подрагивают, будто елочные иголки на ветру, и говорит: мол, вон как устроились дядя Петя с тетей Шурой. А папа ей в ответ: так ведь они тупые как пробки! А мама: зато гребут деньги лопатой, и всё потому, что большого ума нет, а ты, ученый, состаришься в нищете.

Тут я окончательно отодвинул пирог и задумался. Если большие деньги — признак тупости, а нищета — признак большого ума, есть смысл в том, чтобы быть тупым.

На следующий день после ссоры я очень постарался и получил двойки по всем предметам, включая рисование, которое обожаю.

— Боже мой, Дима, что это? — спросил мама, раскрыв дневник. — Ты что, уроки не сделал?

— Сделал, — нехотя признался я.

— А почему у тебя двойки стоят по всем предметам?

— Я тупой, — с уверенностью сказал я.

Мама подозрительно на меня покосилась.

— Наверное, он просто устал. Да еще мы с тобой поцапались, он перенапрягся, — объясняла она папе за ужином.

А я сидел и недоумевал. Если тупым быть выгоднее, то чем их не устраивают двойки? А самое интересное: чем двойки не устраивают всех остальных? Учителей, например? Не могут ведь они желать своим детям умереть в нищете?

— Как тебе та новая книжка? — спросила мама, собирая кусочком хлеба соус от спагетти.

— Ужасная. Просто макулатура, — ответил папа.

— Говорят, ее автор скоро станет самым богатым жителем Англии!

— И почему меня это не удивляет? — засмеялся папа.

Я мысленно открыл рот. Потом снова его захлопнул. Значит, мало быть тупым, надо еще плохо делать свою работу. Я чувствовал, что с каждой минутой жизнь становится все более интересной. Куда я ни совал нос, отовсюду доносилось, что Ум — последний неудачник. Я стал припоминать все, что мне было о нем известно: петух из-за того, что думал, попал в суп; папа лишился работы; и самое главное — от ума бывает горе.

Кода на следующий день фокус с двойками повторился, мама разнервничалась.

— Да что это с тобой? Ты что, уроки не сделал?

Про себя я подумал, что насчет уроков она могла бы не повторяться, а вслух гордо ответил:

— Какая разница, я же теперь тупой!

— Дима, ты не тупой. Перестань так говорить! Что это за новости?

— Ладно, тогда можно я просто не буду ходить в школу?

Через пару секунд я пожалел о том, что задал такой вопрос. За ним последовал долгий разговор, с привлечением к делу папы. Когда мама сама не может справиться, она всегда зовет папу. К несчастью, на этот раз папа явно был не в настроении вести воспитательные беседы:

— Слушай, мы с мамой не имели в виду ничего плохого, когда говорили про дядю Петю с тетей Шурой.

— Понятно.

— Просто не всегда за интеллектуальную работу хорошо платят.

— Понятно.

— Это не значит, что не надо стараться.

— Понятно!

— И потом, раз уж тебе так приспичило быть тупым, школа тут не помеха! Там же одни балбесы!

Папа засмеялся, а мама завела глаза и поджала губы.

В тот вечер, вместо того чтобы делать уроки, я решил послушать музыку, но в компьютере стоял не мой диск, и я из любопытства врубил, что было. Было неплохо — такие крылатые звуки, которые невозможно описать. Как улыбка, или грациозный поклон, или первая волна свежего воздуха в лесу. Чем больше я слушал, тем больше убеждался в том, что у этого композитора лучшие уши на земле. Я взял коробочку от диска и сверху прочитал: «Моцарт».

— Мам, а Моцарт был принцем?

— Нет, с чего ты взял?

— Не знаю, я почему-то думал, что он был принцем.

— Он был фантастически беден, хотя работал сутки напролет. Его похоронили его в могиле для бедных.

Я не знал, что такое могила для бедных, — наверное, что-то нехорошее. Но я знал, что теперь это было уж неважно. Потому что в моей голове Моцарт звучал как принц.

— Ладно, пап, раз он работал, я тоже буду работать.

— Отлично, во сколько тебя завтра встречать?

— Встречать? Я не пойду в школу, я буду работать!

— Дима!

— А что? Я же не балбес.

Про тайны малахитовой шкатулки

Мариэтта Чудакова

1.

Иногда родители совсем маленьких, двух-трехлетних, детей никак не могут решить: какие же именно книжки уже можно начинать им читать вслух?..

Самой первой, на мой вкус, может быть сказка Льва Толстого «Три медведя».

Ну а среди следующих — например, сказ Бажова «Серебряное копытце».

Павел Петрович Бажов жил на Урале и с отрочества записывал за уральскими стариками разные сказочные истории, по большей части связанные с драгоценными камнями, которыми когда-то изобиловал Урал.

И всегда поправлял, когда его сочинения назвали *сказками*:

— Не *сказки*, а *сказы*.

Оставлял читателям возможность задуматься: а не происходило ли кое-чего из рассказанного и на самом деле?

Чего не бывало в стародавние времена! Да еще в таком необычном месте, как наш Урал, который, как известно, не более и не менее как отделяет Европу от Азии...

«Жил в нашем заводе старик один, по прозвищу Кокованя…».

Уже само имя — сказочное!

— «Семьи у Коковани не осталось, он и придумал взять в дети сиротку…».

Хоть и наш родной русский язык, но немножко не тот, каким мы все говорим: не «остался один», а — «семьи не осталось», «взять в дети...».

«Спросил у соседей, не знают ли кого, а соседи и говорят…». Они рассказали, что осиротела недавно семья.

«Старших-то девчонок приказчик велел в барскую рукодельню взять, а одну девчоночку по шестому году никому не надо. Вот ты и возьми ее.

— Несподручно мне с девчоночкой-то. Парнишечка бы лучше. Обучил бы его своему делу, пособника бы ростить стал. А с девчонкой как? Чему я ее учить-то стану?»

...Вы уже поняли, конечно, из его слов, что «пособники» бывают не только у преступников. Кокованя в другом смысле говорил — что парнишка *пособлял* бы ему, значит, в разных мужских работах.

Потом все-таки решился: «Возьму ее. Только пойдет ли?».

Кокованя решил, что как-нибудь уговорит ее.

«В праздничный день и пошел он к тем людям, у кого сиротка жила».

Вы, может быть, подумали, что это — Новый год или Первое мая. Нет, имелся в виду, конечно, один из *церковных* праздников. Дело-то в этой сказке происходит давно. Когда праздники — то есть выходные, или *табельные*, как их тогда называли, дни — были, во-первых, церковные — Рождество, Пасха, а во-вторых, *тезоименитства*. То есть именины, «дни ангела» царя, царицы и наследника престола...

Так вот —

«В праздничный день и пришел он к тем людям, у кого сиротка жила. Видит, полна изба народу, больших и маленьких. На топчане, у печки, девчоночка сидит, а рядом с ней кошка бурая. Девчоночка маленькая и до того худая да ободранная, что редко кто такую в избу пустит. Девчоночка эта кошку гладит, а она до того звонко мурлычет, что по всей избе слышно.

Поглядел Кокованя на девчоночку и спрашивает:

— Это у вас Григорьева-то подарёнка?

Хозяйка отвечает:

— Она самая. Мало одной-то, так кошку драную где-то подобрала. Отогнать не можем. Всех моих ребят перецарапала, да еще корми ее!

Кокованя и говорит:

— Неласковые, видно, твои ребята. У ней вон мурлычет.

Потом и спрашивает у сиротки:

— Ну, как, подарёнушка, пойдешь ко мне жить?

Девчоночка удивилась:

— Ты, дедо, как узнал, что меня Дарёнкой зовут?

— Да так, — отвечает, — само вышло. Не думал, не гадал, нечаянно попал.

— Ты хоть кто? — спрашивает девчоночка.

— Я, — говорит, — вроде охотника. Летом пески промываю, золото добываю, а зимой по лесам за козлом бегаю да все увидеть не могу»

И девчоночка соглашается идти к Кокованe в дом:

«— Пойду. Только ты эту кошку Мурёнку тоже возьми. Гляди, какая хорошая.

— Про это, — отвечает Кокованя, — что и говорить. Такую звонкую кошку не взять — дураком остаться. Вместо балалайки она у нас в избе будет».

Ну а дальше описывается, как они живут уже втроем:

«Кокованя с утра на работу выходил. Дарёнка в избе прибирала, похлебку да кашу варила, а кошка Мурёнка на охоту ходила — мышей ловила. К вечеру соберутся, и весело им».

Кокованя здорово рассказывал сказки. А Дарёнка после каждой сказки просила рассказать наконец про козла.

«Кокованя отговаривался сперва, потом и рассказал:

— Тот козел особенный. У него на правой ноге серебряное копытце…».

«…В каком месте топнет этим копытцем — там и появится дорогой камень. Раз топнет — один камень, два топнет — три камня, а где ножкой бить станет — там груда дорогих камней.

Сказал это, да и не рад стал. С той поры у Дарёнки только и разговору, что об этом козле».

«— Дедо, а он большой?

Рассказал ей Кокованя, что ростом козел не выше стола, ножки тоненькие, головка легонькая. А Дарёнка опять спрашивает:

— Дедо, а рожки у него есть?

— Рожки-то, — отвечает, — у него отменные. У простых козлов на две веточки, а у него на пять веток».

В сказке дальше — масса интересного про их жизнь втроем в лесной избушке.

В какой-то момент Дарёнка осталась вечером в избушке одна — только с Мурёнкой.

«Как темнеть стало — запобаивалась. Только глядит — Мурёна лежит спокойнехонько. Дарёнка и повеселела. Села к окошечку, смотрит в сторону покосных ложков и видит — по лесу какой-то комочек катится. Как ближе подкатился, разглядела — это козел бежит. Ножки тоненькие, головка легонькая, а на рожках по пяти веточек».

В общем, когда Дарёнка выбежала поглядеть — никакого козла нет.

И после многих обманок пропала и кошка. Дарёнка выбежала ее искать. «Ночь месячная, светлая, далеко видно. Глядит Дарёнка — кошка близко на покосном ложке сидит, а перед ней козел».

Ложок — это такой маленький *лог*, *ложбина* то есть — *пологое* место среди пригорков. Такое, где можно травы накосить для скота.

«…Стоит, ножку поднял, а на ней серебряное копытце блестит.

Мурёнка головой покачивает, и козел тоже. Будто разговаривают. Потом стали по покосным ложкам бегать. Бежит-бежит козел, остановится и давай копытцем бить...»

А дальше — вот оно!

«Как искры, из-под ножки-то камешки посыпались. Красные, голубые, зеленые, бирюзовые — всякие».

Кокованя, вернувшись, не узнал своего домика:

«Весь он как ворох драгоценных камней стал. Так и горит-переливается разными огнями. Наверху козел стоит — и все бьет да бьет серебряным копытцем, а камни сыплются да сыплются. Вдруг Мурёнка скок туда же. Встала рядом с козлом, громко мяукнула, и ни Мурёнки, ни Серебряного копытца не стало.

Кокованя сразу полшапки камней нагреб…»

А остальные Дарёнка не дала ему собрать подчистую:

«— Не тронь, дедо, завтра днем еще на это поглядим».

Но сказочные дела каждый день не повторяются!

И точно — к утру выпал большой снег, всё завалил, и сколько не разгре-

бали — ничего больше не нашли. «Ну, им и того хватило, сколько Кокованя в шапку нагреб». Вот это правильно. Это справедливо.

Но больше уж никогда не видели они ни Мурёнки, ни Серебряного копытца...

А там, где скакал козел, люди стали находить зелененькие камешки — хризолиты...

А вот справедливо ли это, что Кокованя с Дарёнкой не могли уже утром собрать все камни до последнего камешка?

Кажется на первый взгляд, что несправедливо — правда?

А если подумать как следует — может, как раз правильно.

Потому что если бы нагребли они драгоценных камней половину, скажем, подпола, — то, может, сами стали бы уже другими какими-то людьми.

Только бы и думали о том, как это богатство употребить. И может, вообще уже ничего и никого больше вокруг себя и не видели бы — только эти камни и пересыпали из ладони в ладонь. Ведь бывает же наверно, и так, правда?..

2.

Павел Бажов родился 15 января (по старому стилю) 1879 года.

Он писал, что первым пушкинским стихотворением было для него «Зимнее утро», вот это — «Мороз и солнце; день чудесный!». Он вспоминал впоследствии: «Оно оказалось даже событием, которое запомнилось на всю жизнь. Было это, помню, во второй половине учебного года, после святочных каникул. Точно это пришлось на январь—февраль 1887 г.». То есть — ему только что минуло восемь лет.

А когда Павлу Бажову было одиннадцать лет, учитель дал ему из своей домашней библиотеки том Пушкина из собрания сочинений. И пошутил:

— Когда выучишь первый том — приходи за вторым.

Павел и выучил.

Хотя, как справедливо пишет Ариадна Павловна Бажова-Гайдар (мама Егора Гайдара) в своей книге «Глазами дочери», «начинался первый том произведениями, не очень понятными заводскому парнишке».

И когда приехал в Сысерть из Екатеринбурга известный просветитель, «ему рассказали о способном мальчике из рабочей семьи, который "всего Пушкина назубок знает"». И тот помог мальчику поступить в Екатеринбургское духовное училище.

3.

Сильные чувства героев этих сказов бередят отроческую душу.

В малахитовой комнате, где стены с алмазами, происходит решающий разговор Хозяйки Медной горы со Степаном — одним из тех, кто «в горе робили».

«"...— Ты, — говорит, — друг любезный, не вихляйся. Прямо говори, берешь меня замуж али нет?"— И сама вовсе принахмурилась.

Ну, Степан и ответил напрямки:

— Не могу, потому другой обещался.

Молвил так-то и думает: огневается теперь. А она вроде обрадовалась.

— Молодец, — говорит, — Степанушко. ...Не обзарился ты на мои богатства, не променял свою Настеньку на каменну девку. — А у парня, верно, невесту-то Настей звали. — Вот, — говорит, — подарочек для твоей невесты, — и подает большую малахитову шкатулку. А там, слышь-ко, всякий женский прибор. Серьги, кольца и протча...

Потом и говорит:

— Ну, прощай, Степан Петрович, смотри не вспоминай обо мне.- А у самой слезы. Она это руку подставила, а слезы как-кап и на руке зернышками застывают. Полнехонька горсть. — На-ка вот, возьми на разживу. Большие деньги за эти камешки люди дают. Богатый будешь, — и подает ему.

Камешки холодные, а рука, слышь-ко, горячая, как есть живая...»

И что же Степан — за свою верность Настеньке?

Да, оказывается, — «счастья в жизни не поимел. Женился он, семью завел, дом обстроил, все как следует. Жить бы ровно да радоваться, а он невеселый стал и здоровьем хезнул (ослабел). Так на глазах и таял».

Ну и ничего хорошего — нашли потом — «на руднике у высокого камня мертвый лежит, ровно улыбается ...Которые люди первые набежали, сказывали, что около покойника ящерку зеленую видели, да такую большую, каких и вовсе в наших местах не бывало. Сидит будто над покойником, голову подняла, а слезы у ей так и каплют. Как люди ближе подбежали — она на камень, только ее и видели».

Согласитесь, что трогают, глубоко задевают эти слова — «Потому другой обещался...». Меня в детстве очень, например, трогали. И еще — каменные слезы Хозяйки Медной горы...

И навсегда запоминается «Малахитовая шкатулка».

Особенно те ее страницы, где Степанова дочь Танюшка потребовала от барина, напрашивавшегося в женихи, чтоб сначала отвез ее во дворец и показал ей царицу...

Но только в той палате, «которая малахитом тятиной работы обделана».

И когда, надев на себя все украшения из заветной малахитовой шкатулки, оказалась во дворце, — не посмотрела даже в ту сторону, где толпился народ, ожидая царицу. А сама «пошла по дворцу-то как дома». И все почему-то двинулись за ней...

«...Народу набралось полным-полно, и все глаз с Танюшки не сводят, а она стала к самой малахитовой стенке и ждет... Царица вышла в комнату-то, куда назначено. Глядит — никого нет. Царицыны наушницы и доводят — турчаниновска невеста всех в малахитову палату увела. Царица поворчала, конечно, — что за самовольство! Запотопывала ногами-то. Осердилась, значит, маленько. Приходит царица в палату малахитову. Все ей кланяются, а Танюшка стоит — не шевельнется.

Царица и кричит:

— Ну-ко, показывайте мне эту самовольницу — турчаниновску невесту!

Танюшка это услышала, вовсе брови свела, говорит барину:

— Это еще что придумал! Я велела мне царицу показать, а ты подстроил меня ей показывать. Опять обман! Видеть тебя больше не хочу.

С этим словом прислонилась к стенке малахитовой и растаяла. Только и осталось, что на стенке камни сверкают , как прилипли к тем местам, где голова была, шея, руки...».

4.

В январе 1937 году Бажова исключили из партии — разумеется, безо всякой вины, как было тогда принято. А затем, уже исключенного, вызвали в НКВД (Народный комиссариат внутренних дел; главным его *внутренним делом* были в те годы аресты и расстрелы безвинных сограждан).

Вспоминает Егор Гайдар по рассказам своей мамы и бабушки: «Бабушка, Валентина Александровна, собрала чемоданчик, и дед отправился по хорошо известному в Свердловске адресу. Однако к тому времени череда репрессий докатилась до самого НКВД, и в страшной системе начались сбои. Просидев несколько часов в приемной, Павел Петрович так и не дождался; его вызывали и не принимают...»

Здесь можно прервать цитату, чтобы восхититься доставшимся Бажову от предков крестьянским инстинктом самосохранения. Представим себе на его месте человека из профессорской среды. Легко вообразить себе, что он именно пошел бы «узнавать по начальству...»

Так вот, суетиться дедушка Егора Гайдара Бажов не стал, а «тихо вышел, вернулся в свой дом на Чапаева,11 и после этого больше года никуда из него не выходил».

Ждал, когда охотники на людей забудут про него.

И бабушка тоже старалась на улице не появляться. Жила вся семья на учительскую зарплату бабушкиной сестры... А дед сидел и писал. И «спустя год с небольшим он прочитал бабушке и маме свои первые сказы. Полоса репрессий к этому времени пошла на убыль, деда восстановили в партии, вскоре он стал автором знаменитой книги "Малахитовая шкатулка"».

Читайте ее!

Нечаянная встреча

Нина Демурова

С раннего моего детства и до конца 50-х годов наша семья жила в Ружейном переулке (разбудите меня ночью — и я тотчас скажу: дом 6, квартира 2, телефон Г1-48-56). Переулок был не слишком длинный: если выйти из нашего дома на улицу, то справа увидишь Плющиху, а слева — Смоленский бульвар. Перейдешь Садовое кольцо — и начинаются арбатские переулки. Все это была наша территория — здесь жили наши друзья, происходили интересные и неожиданные встречи. Об одной такой *нечаянной — не-чаянной* — встрече мне и хотелось бы рассказать. Теперь это слово пишут слитно, но написанное раздельно, оно восстанавливает устаревшее значение (*чаяние* — ожидание чего-то, обычно радостного).

Как-то подошла ко мне моя коллега-преподавательница и с улыбкой сказала:

— Знаете, Нина, я на днях разговаривала с одним художником, он очень хотел бы написать ваш портрет. Он видел вас где-то на Плющихе, и вы его прямо-таки пленили.

Она засмеялась и добавила:

— Не опасайтесь, он женат... Это наши старые друзья.

Шел 1957 год. Я только что вернулась из Индии, куда попала по счастливой случайности, носила индийские серьги и, верно, по тем временам имела весьма экзотический вид.

— Он вас сразу приметил. Он любит Восток. Можно, он вам позвонит? Его зовут Федор Сергеевич. А фамилия Булгаков.

Я согласилась.

И вот я стою перед пятиэтажным домом в стиле модерн; таких доходных домов, возникших в Москве на рубеже XIX–XX веков, было немало; он и сейчас стоит там: дом №43 по Сивцеву Вражку (построен, как я узнала позже, в начале XX века архитектором Г.К. Олтаржевским). Сейчас на нем — мемориальная доска: здесь с 1920 по 1942 год жил Михаил Васильевич Нестеров, замечательный русский художник. Этот арбатский переулок связан с именами Пушкина, Герцена, Толстого, Бориса Зайцева, отца и сына Пастернаков и многих других известных людей, которые жили или часто бывали здесь. После нашего старого особнячка в Ружейном переулке дом поражает меня своей роскошью: меж двух колонн тяжелые двери с зеркальными стеклами, в холле мозаичный пол, на площадках цветные витражи (увы, далеко не все сохранившиеся)... Я подымаюсь по широкой пологой лестнице с медными прутьями для дорожек, которых давно уже нет, звоню в дверь квартиры.

Дверь открывает Федор Сергеевич. Так вот он какой — средних лет, высокий, подтянутый, крепкий. Спокойный, внимательный взгляд. Коридором проходим в просторную комнату справа — Федор Сергеевич знакомит меня со своей женой. Это Наталья Михайловна Нестерова, дочь Михаила Васильевича Нестерова. Позже я узнала, что тогда, с огромными трудностями вернувшись с семьей с юга, где они спасались от голода в 1918–1920-м годах, он обнаружил, что его квартира на Новинском бульваре была вскрыта, и все, что там было, — библиотека, более 300 работ художника, мебель, личные вещи, — исчезло. (Часть работ потом удалось в течение ряда лет вернуть, но книги и все вещи так и погибли.)

Федор Сергеевич Булгаков в юности (с бабушкой)

К счастью, квартира на Сивцевом Вражке, где жила его старшая дочь, Ольга Михайловна, сохранилась; там семья и устроилась рядом с нею. Здесь Нестеров провел последние 22 года своей жизни.

Продолговатая комната с окнами в тихий переулок, большой полукруглый диван карельской березы, стол, покрытый цветной камчатной скатертью, книги, переплетенные в холсты с печатными узорами, туески... На стене, над полукруглым диваном висит портрет Натальи Михайловны. Как я узнала позже, он был написан сразу по возвращении семейства из Крыма в Москву. Конечно, годы изменили ее, но тонкий профиль все тот же, ее нельзя не узнать. Девушка в старинном синем платье с белой косынкой на плечах и шляпке, чем-то похожей на чепец, — опершись тонкими кистями о скамью, она смотрит на темную зелень пруда. Теперь этот чудесный портрет — «Девушка у пруда» — в Третьяковской галерее... Я стараюсь не очень смотреть по сторонам. Глаза разбегаются. На стенах картины, много картин...

Вынимаю из сумки сари, которые по просьбе Федора Сергеевича принесла из дома, и подхожу к окну. Из него льется яркий свет. Одно за другим разворачиваю сари — шелк вспыхивает яркими красками. У меня их три — подарки индийских друзей, врученные при расставании. Красное, праздничное, с золотисто-желтым узором; белое с мелким желто-зеленом с золотом рисунком и бирюзовое с широкой, золотом шитой каймой глубокого синего цвета. Федор Сергеевич просит меня их надеть, и Наталья Михайловна ведет меня в смежную небольшую комнату. Там стоят мольберт и кисти Федора Сергеевича, а по стенам повернутые к ним лицом картины. Значит, здесь он работает!

Я выхожу — Федор Сергеевич чуть прищуривается, внимательно смотрит, просит меня повер-

нуться, любуется игрой света в складках шелка. Я объясняю, как носят сари. Потом надеваю второе, третье. Наконец выбор сделан — Федор Сергеевич будет писать бирюзовое. Мы идем в мастерскую, Федор Сергеевич усаживает меня в кресло, выбирает позу, отходит, смотрит, просит слегка повернуть голову. Быстро что-то набрасывает...

Мы договариваемся о дальнейших сеансах. Работа над портретом шла не быстро. Федор Сергеевич бывал занят, я преподавала, а писать нужно было при определенном освещении, в определенные часы. Но вот набросок углем закончен, вынут мольберт. Федор Сергеевич работает не торопясь, вдумчиво, вглядчиво... Поначалу мы лишь обменивались короткими фразами во время сеанса, затем понемногу разговорились.

Как-то Федор Сергеевич рассказал мне о картинах, висевших в большой комнате. Чуть дальше «Девушки у пруда» — двойной портрет «Философы»; это портрет двух друзей Михаила Васильевича. А дальше эскизы Михаила Васильевича, работы друзей: пейзаж Левитана, этюды Серова и Богаевского... Работ самого Федора Сергеевича на стенах не было. Ни одной. Они с Натальей Михайловной хотели сохранить квартиру такой, какой она была при Михаиле Васильевиче.

О себе Федор Сергеевич рассказывал мало. Однажды сказал, что мальчиком учился у Василия Алексеевича Ватагина. Я знала Ватагина как замечательного художника-анималиста, помнила его рисунки и иллюстрации, в частности к «Маугли» Киплинга — царственную Багиру, волков...

— Да, — кивнул Федор Сергеевич. — Он ведь побывал в Индии. Много рассказывал об этой стране — о древних храмах, природе, обычаях, одежде... Показывал мне свои рисунки, живопись... Верно, это от него у меня такая тяга к Востоку.

Индия очень его интересовала. Узнав, что я только что вернулась оттуда, он удивился: в ту пору туда редко кто попадал. Я рассказала, что была там переводчицей во время работы над сценарием (а потом и съемками) совместного индийско-советского фильма о тверском купце Афанасии Никитине, первом русском, побывавшем в Индии. Вместе с известной сценаристкой Марией Николаевной Смирновой мы объездили те места, где побывал наш соотечественник, проживший в Индии более трех лет (1471–1474) и оставивший по возвращении в Россию путевые заметки «Хождение за три моря». Побывали в центральной Индии и на юге страны, в деревнях и старых городках, где время, казалось, застыло, знакомились с древними храмами, музыкой, танцами Индии. Посетили древние пещерные храмы Эллоры и Аджанты, где видели сохранившиеся нетронутыми фрески и скульптуры.

Были мы приняты и Джавахарлалом Неру, который дал нам ценные советы по выбору натуры, а позже распорядился, чтобы нам разрешили снимать в Эллоре и Аджанте (там была снята сцена с танцовщицей, копирующей позы древних скульптур). Он принял нас тепло: угостил чаем, попросив Марию Николаевну быть за столом за хозяйку, и показал нам сад и своих панд. Он свободно входил к ним в вольер и кормил их из рук.

Его внимательность и простота нас поразили...

Обычно Наталья Михайловна на сеансах не присутствовала, она часто выходила из дома по своим делам. Как-то, придя к ним в дождливый день, я видела, как Федор Сергеевич, стоя на колене у кресла, в котором сидела Наталья Михайловна, надевал ей ботики — у нее было слабое сердце.

Федор Сергеевич показал мне свои работы — пейзажи, портреты, цветы... Его тянул к себе Восток: как только представлялась какая-то возможность, он ездил в тогдашние наши республики и работал там на пленэре. Мне нравились его работы. Постепенно мы как-то разговорились и даже немного сблизились. Впрочем, при всей теплоте и дружественности я ощущала какую-то сдержанность, дистанцию. Я не задумывалась о ее причинах: возраст и положение моих новых друзей, их воспитание и манера держаться, казалось, все объясняли.

Как-то Наталья Михайловна в разговоре упомянула, что часть квартиры принадлежит ее старшей сестре Ольге Михайловне.

— «Амазонке»?

— Да, картина там висит. Хотите посмотреть? Сестры сейчас нет дома, но я вам могу ее показать.

«Дочь в амазонке» висела прямо напротив окна. Не знаю, был ли это один из вариантов (Михаил Васильевич обычно писал несколько) или известный теперь нам портрет, но он и сейчас стоит у меня перед глазами.

Запомнился день, когда, после окончания сеанса, Наталья Михайловна и Федор Сергеевич предложили показать мне хранившиеся у них работы Михаила Васильевича. (Позже их видел и мой брат Миша.) Свернутые в рулоны полотна стояли, прикрытые занавесом, в глубине большой комнаты. Наталья Михайловна тщательно стерла с них пыль. Федор Сергеевич переносил и развертывал их одно за другим. Эскизы и этюды к работам 20–30-х годов — эскизы к большим полотнам, пейзажи, портреты... Особенно запомнилась одна работа — мальчик со светлым лицом («нестеровский отрок») несет

М. В. Нестеров
Девушка у пруда

в руках икону Спасителя, а за ним идут люди, много людей, вся Русь... Это, по-видимому, был эскиз (а возможно, один из вариантов) к одному из самых значительных полотен Нестерова, которое теперь известно под названием «На Руси». Таких работ Нестерова мы тогда не знали — разве что «Видение отроку Варфоломею», приобретенное еще Третьяковым. Мне кажется, я помню его с детства. Впрочем, что за видение и в чем его смысл, тогда нам никто не объяснял.

Сейчас даже трудно представить, что все эти драгоценные полотна стояли вместе с другими, свернутые в рулоны, в квартире на Сивцевом Вражке.

— Мы предлагали «На Руси» Третьяковке, но они не взяли, — сказала Наталья Михайловна с горечью.

Наконец портрет был закончен. По этому поводу мои родители пригласили Федора Сергеевича и Наталью Михайловну на торжественный обед. Мама испекла свои пирожки, пользовавшиеся большим успехом в нашей семье, приготовила сациви, заправила гранатом лобио... Мы с мамой немного нервничали: такие замечательные люди придут к нам в гости. Но все прошло хорошо. А Федор Сергеевич с папой беседовали, как старые друзья. Может быть, ощутили какую-то близость: они были почти сверстниками, оба воевали, оба — и это чувствовалось сразу — были людьми чести.

Прошли годы. Время было суровое. Жизнь крутила и била, бросала все в новые водовороты. Мы уже давно не жили в Ружейном — особнячок снесли, а вместе с ним и нашу любимую терраску с цветными стеклышками; от старых деревьев во дворе не осталось и следа. Я потеряла связь с Натальей Михайловной и Федором Сергеевичем.

Шли 90-е годы. Как-то в моей квартире раздался телефонный звонок: звонил мой брат Миша. В то время он работал (вместе со своим соавтором Виктором Эпштейном) над фильмом о первой волне русской эмиграции, вышедшим впоследствии под названием «Не будем проклинать изгнанье...».

— Слушай, у тебя сохранились старые телефонные книжки? Мне нужен телефон Натальи Михайловны Нестеровой и Федора Сергеевича Булгакова.

— Но они давно уже там не живут! Их переселили...

— Я знаю, у меня даже их новый адрес есть. Но ты все-таки посмотри.

Порывшись, я нашла свою старую записную книжку.

— Ты слушаешь? Я нашла их прежний телефон: Г-1-32-35.

— Хорошо! Я тебе после все расскажу.

Мы встретились через несколько дней.

— Ты знаешь, кто отец Федора Сергеевича?

— Нет. А кто?

— Сергей Николаевич Булгаков.

— Сергей Николаевич... Булгаков? Подожди, ведь это... философ... богослов?

— Вот именно.

— Тот, что у Нестерова на картине вместе с отцом Павлом Флоренским? «Философы»?

— Да, да.

— Боже мой... А я и не подозревала! Но он же был в эмиграции?

— Да, был выслан в 22-м. Вместе с другими. Помнишь «Философский пароход»?

— А Федор Сергеевич остался?

— Его не пустили.

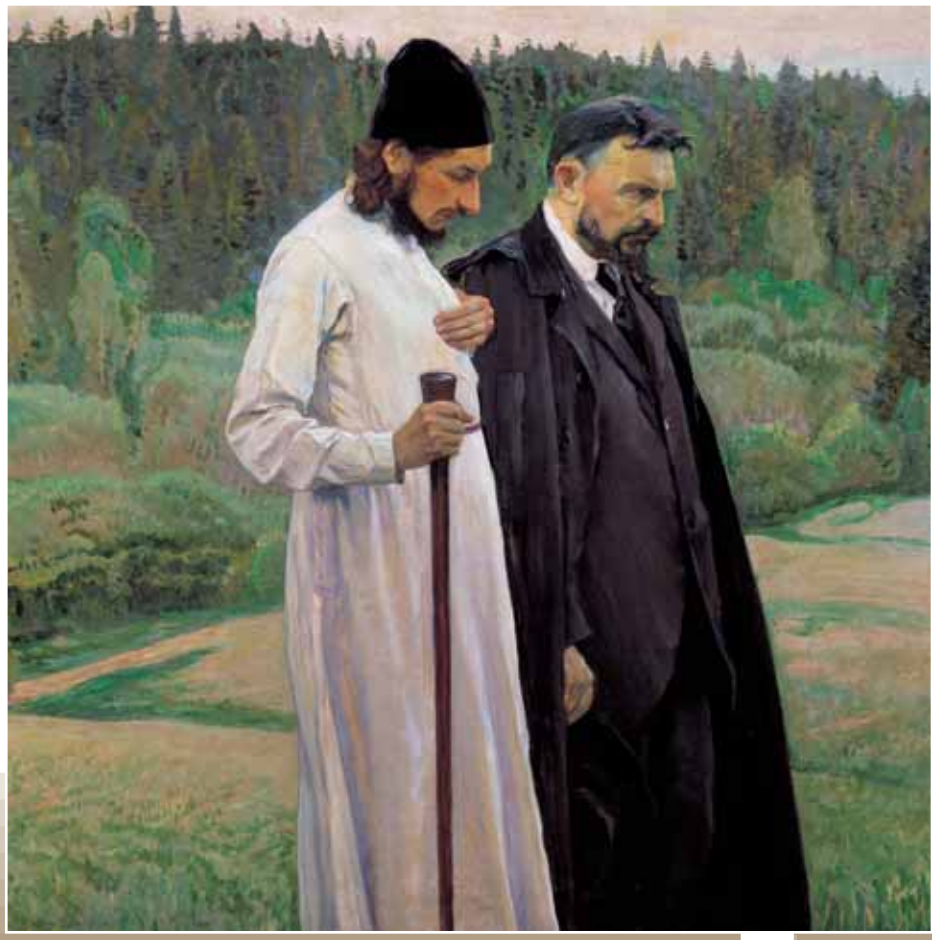
Есть у англичан старая поговорка: «Незнание — это преступление» *(Ignorance is a crime).* Можно перевести и более жестко: «Невежество — это преступление».) Да, я — как и многие, многие мои современники в конце 50-х, не знала наших великих мыслителей той, не такой уж давней, но старательно замалчиваемой поры, и даже не догадывалась об их трагических судьбах. Какой же бедной неграмотной девочкой я, наверно, была в глазах моих дорогих друзей — Федора Сергеевича, отец которого был так трагически разлучен со своей родиной, и Натальи Михайловны, чей отец написал замечательное полотно, запечатлевшее двух великих своих друзей. Один из которых скончался изгнанником вдали от России, так и не увидав своего старшего сына, другой, «русский Леонардо», умер голодной смертью в лагере на Соловках.

Работая над своим фильмом, Миша и Виктор как-то разговорились с коллегой по «Мосфильму», Ириной Викторовной Шретер. Ее матерью была Ольга Михайловна Шретер, в девичестве Нестерова, та самая «Дочь в амазонке», с которой я тогда так и не встретилась в квартире Нестерова. Муж Ольги Михайловны, Виктор Николаевич Шретер, видный юрист и профессор, был арестован и расстрелян в 1938 году. Ольгу Михайловну сослали в Казахстан; хлопотами отца через Красный крест она вернулась в 1941 году с вконец подорванным здоровьем. Ирина Викторовна рассказала, что Федор Сергеевич умер в 1991 году, а Наталья Михайловна жива.

Миша позвонил Наталье Михайловне, напомнил о нашем знакомстве и портрете и, назвав как пароль номер их телефона на Сивцевом Вражке, совсем растрогал ее. Она согласилась встретиться с ними.

Наталья Михайловна приняла Мишу и Виктора очень любезно, в комнате, где на стене висела копия картины «Философы», выполненная Федором

М. В. Нестеров
Философы



Сергей Николаевич Булгаков. 1923

Сергеевичем, однако, сославшись на свой возраст и хвори, от долгих рассказов решительно отказалась. От нее они узнали, что перед смертью отец Сергий (Сергей Николаевич Булгаков) написал сыну прощальное письмо. Миша попросил ее прочитать его им. Читала Наталья Михайловна сбивчиво, с трудом разбирая слова.

Не могу закончить своего рассказа, не сказав в заключение нескольких слов о Сергее Николаевиче Булгакове (о. Сергии) и его сыне Федоре Сергеевиче.

Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944), экономист, религиозный философ, богослов, публицист, выдающийся проповедник, родился в старинном городе Ливны Орловской губернии. Предки его во многих поколениях были священниками. Отец служил настоятелем бедной кладбищенской церкви Святого Георгия. Сергей Николаевич окончил духовное училище, затем поступил на юридический факультет Московского Университета и окончил его.

За сравнительно короткий отрезок времени прошел путь от атеиста до священнослужителя, от либерального экономиста до православного теолога. В юности «легальный марксист», он отошел от марксизма под влиянием взглядов своего близкого друга, отца Павла Флоренского. Профессор Московского университета (1906–1918), член Второй Государственной думы от партии кадетов, Сергей Николаевич Булгаков был одним из видных авторов знаменитого сборника «Вехи» (1909).

После Октябрьского переворота активно сотрудничает в работе Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов, сближается с вновь избранным патриархом Тихоном, по благословению которого был рукоположен в священники и стал отцом Сергием.

В те же годы он попадает в число выдающихся русских философов, писателей, ученых, высылаемых из РСФСР. В 1922 году, после обыска в его доме в Кореизе, он был арестован, отправлен в симферопольскую тюрьму, где получил приговор: высылка без права возвращения, в противном случае — расстрел. На итальянском пароходе «Жанна» вместе с семьей покинул Россию. Старшему сыну Федору в разрешении на выезд было отказано.

Последовали эмигрантские странствия: Константинополь, Прага, наконец Париж. В эмиграции отец Сергий ведет выдающуюся деятельность профессора Православного богословского института, сотрудничает с главой Русской православной церкви в изгнании митрополитом Евлогием, создает свои основные религиозно-философские и теологические труды. Тяжелая болезнь не останавливает его деятельности проповедника, оставляя в памяти слушавших его проповеди неизгладимое впечатление.

Скончался отец Сергий в 1944 году, так и не увидев старшего сына Федора, и упокоился на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в Париже.

В 1940 году, будучи уже смертельно больным, он оставил завещание: «Прошу устроить мои похороны возможно дешевле и проще, без всяких лишних расходов, у меня нет средств. Просил бы и цветы не возлагать, не заслужил их... Однако я прошу положить мне в гроб горсть родной земли, зашитой в ладанку и взятой с могилы моего сына. *(Младший сын о. Сергия Иван умер в 1909 году и похоронен в Крыму, в Кореизе. — Н. Д.)* Вот и все мои пожелания.

Грешный священник Божий о.Сергий».

А несколько ранее о. Сергий написал письмо сыну Федору.

Моему сыну Федору после моей смерти
10.III.1939

Дорогой мой сыночек Федичка! Господь не судил нам встретиться в этой жизни, Посылаю тебе любовь мою и благословение на всю твою жизнь. Я с благодарной любовью вспоминаю о том, как ты был около меня в решающие дни моей жизни, в дни моего рукоположения. Господь избрал тебя к тому, чтобы быть представителем всей нашей семьи, и как я ценю это призвание. Вспоминаю даже, как мы тебя теряли, и возвращался ты к нам до тех пор, пока вовсе не потеряли. Если приведет Господь вам встретиться, будь поддержкой маме и Сереже *(Брат Федора Сергеевича, живший вместе с отцом во Франции. — Н. Д.)*, помощью и руководителем. Дай Бог тебе успехов в твоем искусстве, к которому ты призван, и дай Бог тебе соединиться достойным браком. Благословение Божие да будет над тобой от безгранично любящего тебя отца.

Из рассказа Н. М. Нестеровой 90-х годов

— Судьба у Феди сложная. Он был заложником. Его высылали в Казахстан. Родственники помогли вернуться в Москву, получить квартиру. Федор стал профессиональным художником, но запрещенным... С родителями ему так и не пришлось встретиться...

Письмо Сергея Николаевича Феде — это и благословение на наш брак. Кто его привез — я не знаю. Это был очень тревожный и опасный год.

К столетию со дня рождения Сергея Николаевича Федор решил написать копию картины «Философы», которую писал мой отец. Она находилась в Третьяковской галерее в запасниках и впервые была показана только в 1962 году. Федор писал картину украдкой, ночью, в течение десяти дней. И вот сейчас она украшает мою комнату.

Наталья Михайловна решила передать картину администрации города Ливны, где родился Сергей Николаевич, — музею, в котором один из залов посвящен о. Сергию Булгакову.

Кормим детей вкусно

Сок из цитрусовых

Апельсин (мандарин, лимон, грейпфрут) — 100 г.

Спелый плод помыть, обдать кипятком, разрезать поперек, выжать сок стеклянной соковыжималкой. Или разделить очищенный плод на дольки, вынуть зернышки и отжать сок через стерильную марлю, добавить сахарный сироп по вкусу.

Сок из моркови

Морковь — 100 г.

Морковь тщательно вымыть щеткой, очистить, обдать кипятком, натереть на мелкой терке, выжать сок ручной соковыжималкой или через стерильную марлю. Если морковь недостаточно сладкая, можно добавить немного сахарного сиропа.

Пюре из бананов

Банан — 1 штука.

Банан тщательно промыть и разделять мякоть от кожуры. Мякоть протереть через мелкое ситечко.

Пюре из свёклы

Свекла — 100 г, томатный сок — 5 мл, морковный сок — 10 мл, сливки 10-процентные — 10 мл, сахарный сироп — 2 мл, сливочное масло — 3 г, соль.

Очищенную и вымытую свеклу сварить на пару до готовности, протереть через сито, добавить томатный и морковный соки, сливки, сахарный сироп, подсолить, тщательно размешать, нагреть до кипения, вложить сливочное масло и снова размешать.

Пюре из белокочанной капусты

Кочан капусты — 100 г, зеленый горошек — 10 г, томатный сок — 8 мл, сливки 10-процентные — 10 мл, манная крупа — 1,5 г, сахарный сироп — 1 мл, сливочное масло — 3 г, соль.

Кочан капусты очистить, вырезать кочерыжки, промыть, нашинковать, поместить в кастрюлю, влить немного воды и сварить под крышкой. К готовой капусте добавить зеленый горошек, протереть через сито, влить томатный сок, сахарный сироп, сливки, подсолить. При постоянном помешивании всыпать манную крупу и довести до кипения. В готовое пюре вложить сливочное масло и размешать.

Овощной суп

Овощи (картофель, морковь, свекла, капуста, петрушка и пр.) — 100 г, манная крупа — 25 г, сливочное масло — 3 г, мука — 3 г, зелень — 2 г, соль.

Свежие овощи тщательно промыть проточной водой, очистить, мелко нарезать и варить около полутора часов. Овощи развариваются почти полностью. Если же остались плотные комочки, их следует тщательно размять. Примерно треть отвара испарится. В образовавшийся супчик добавить манную крупу, муку и сливочное масло. Поварить еще 10 минут, дать супу отстояться. Можно подсолить, но только слегка; приучать ребенка к соли не следует. В овощной суп можно добавить тщательно протертую зелень. Это не только улучшит вкусовые качества блюда, но и добавит в него витамины.

Овощной суп-пюре

Лук репчатый — 5 г, картофель — 20 г, капуста — 10 г, морковь — 10 г, петрушка — 5 г, зеленый горошек — 4 г, рис — 3 г, восьмая часть яичного желтка, сливки — 10 мл, — 2 мл, сливочное масло — 2 г, соль.

Лук репчатый очистить, нарезать и половину указанного количества пассеровать на сливочном масле. Овощи очистить, нарезать, соединить с пассерованным луком, добавить немного бульона или воды и гасить под крышкой до готовности.
Рис варить в небольшом количестве бульона или воды, соединить с овощами, всё протереть через сито, развести бульоном, подсолить и вскипятить.
Яичный желток растереть с теплыми сливками и оставшимся сливочным маслом, заправить суп.

Рыбные кнели

Рыбное филе — 150 г, черствый белый хлеб — 5 г, молоко — 25 мл, пятая часть яичного белка, соль.

Филе рыбы (без костей и кожи) нарезать кусочками. Мякиш черствого хлеба замочить в молоке. Рыбу и хлеб трижды пропустить через мясорубку и тщательно взбить, постепенно прибавляя холодное молоко, сырой яичный белок и соль. Чем лучше взбита масса, тем более аппетитными получатся кнели. Из этой массы можно приготовить паровые или запеченные блюда (котлеты, тефтели, пудинги).

Рыбные галушки

Рыбное филе — 120 г, репчатый лук — 30 г, половина ломтика черствого белого хлеба, пятая часть яйца, соль. Для отвара: по пятой части свеклы, моркови и корня петрушки, 1 горошина черного перца, половина лаврового листа, соль.

Готовое рыбное филе дважды пропустить через мясорубку вместе с частью сырого репчатого лука и черствым хлебом, замоченным в молоке. В полученный фарш добавить яйцо, подсолить и тщательно перемешать. Корнеплоды и оставшийся репчатый лук нарезать ломтиками, залить небольшим количеством воды, добавить по вкусу соль, специи и варить 35 — 40 минут, после чего отвар процедить. Фарш разделать в виде больших круглых галушек, загладить, смочив руки холодной водой, опустить в кипящий отвар и варить 1 час на слабом огне. Готовые галушки осторожно вынуть из отвара, переложить на блюдо и охладить.

Фрикадельки из мяса

Говядина (мякоть) — 100 г, молоко — 15 мл, 1 яичный белок, соль.

Мякоть говядины без жира и пленок дважды пропустить через мясорубку, влить молоко, посолить и тщательно перемешать. Затем в этот фарш добавить взбитый в крепкую цену яичный белок и снова перемешать. Из приготовленной массы скатать фрикадельки величиной с крупную вишню, опустить их в кипящий суп и варить на слабом огне (при едва заметном кипении) 8–10 минут. К фрикаделькам из мяса можно подать картофельное пюре, манную, рисовую, пшенную каши, а также пюре из овощей.

Мясное пюре с морковью

Мясо (говядина, телятина) — 50 г, молоко — 20 мл, масло сливочное — 3 г, морковь — 25 г, мука — 3 г, соль.

Мясо отварить до готовности. Морковь отварить, почистить. Все дважды пропустить через мясорубку с частой решеткой. Муку подсушить (не жарить), развести кипяченым охлажденным молоком, соединить с пропущенной через мясорубку массой, подсолить, поставить на огонь, кипятить 2–3 минуты, снять с огня, заправить сливочным маслом.

Протёртая гречневая каша

Гречневая крупа — 10 г, молоко — 100 мл, вода — 30мл, сахарный сироп — 3 мл, масло сливочное — 3 г, соль.

В кипящую воду при помешивании всыпать предварительно перебранную и промытую гречневую крупу, варить на слабом огне до готовности. Разваренную нашу протереть через сито, добавить горячее молоко, сахарный сироп, подсолить и при помешивании кипятить еще 2–3 минуты. В готовую кашу добавить сливочное масло.

Бисквитные сухарики

Пшеничная мука — 60 г, картофельный крахмал — 10 г, 3 яйца, сахарный песок — 60 г, сливочное масло — 5 г.

Желтки яиц, тщательно отделенные от белков, растирать с сахаром в течение 30 минут. В растертую массу добавить пшеничную муку и крахмал, предварительно смешанные и просеянные через сито. Затем в эту массу ввести в три приема хорошенько взбитые белки и бережно перемешать до образования однородной массы. На дно формы положить промасленную бумагу и наполнить форму тестом на три четверти высоты, так как при выпечке тесто увеличивается в объеме. Поверхность теста выровнять ножом и сразу же выпекать в духовке в течение 20–35 минут. Первых 10–15 минут бисквит нельзя беспокоить, иначе он сделается плотным и трудно пропекаемым. Готовность бисквита можно определить по цвету корочки и упругости: при надавливании пальцем на сыром бисквите остается ямочка, на готовом — она выравнивается. Остывший бисквит нарезать ломтиками, положить на противень и подсушить в духовке.

Развлечения

Игры со всего света

Буйволы в загоне (Судан)

Игроки (их около десяти) встают в круг и берутся за руки. Двое стоят в центре круга. Это буйволы, их задача — вырваться из круга. Они пытаются прорвать круг с разбегу (грубые приемы не допускаются). Руки их подняты. Если буйволам не удалось прорваться в одном месте, они пытаются сделать это в другом. Когда это им в конце концов удается, буйволами становятся те игроки, которые не сумели сдержать их.

Лев и коза (Афганистан)

Играющих много — до 20 человек. Выбирают «льва» и «козу». (Желательны маски.) Остальные, взявшись за руки, образуют круг. «Коза» стоит внутри круга, «лев» — за кругом. Он должен поймать «козу». Играющие свободно пропускают «козу», а «льва», наоборот, задерживают. Игра продолжается до тех пор, пока «лев» не поймает «козу». В случае удачи они меняются ролями. Или выбирается другая пара.

А ну-ка, повтори! (Конго)

Играющие (их не менее четырех) становятся полукругом; перед ними в центре стоит водящий. Время от времени он поднимает руку, поворачивается, наклоняется, топает ногой и т. п. Все должны точно повторять его движения. Если кто-то ошибся, он становится водящим. А водящий занимает его место. Если одновременно ошибутся несколько игроков, водящий сам выбирает, кто займет его место.

Потяг (Белоруссия)

Игроки (их должно быть четное число) делятся на две равные группы. Игроки каждой образуют цепь, согнув руки в локтях. Во главе цепей становятся более сильные и ловкие — «заводные». Став друг против друга, «заводные» берут друг друга за согнутые в локтях руки и тянут каждый в свою сторону, стараясь или разорвать цепь противника, или перетянуть ее за намеченную линию.

Шарик в ладони (Бирма)

Играющие выстраиваются в шеренгу на расстоянии 30–40 сантиметров друг от друга. Вытянутые руки с раскрытыми ладонями они держат за спиной. Один из играющих стоит за их спинами. У него в руке шарик или камешек. Идя вдоль шеренги, он делает вид, будто хочет опустить шарик в чью-то ладонь. Оглядываться играющие не должны. Тот, кто получит шарик, неожиданно вырывается из шеренги. Соседи справа и слева должны осалить его прежде, чем он двинется с места. Сами они сходить с места не могут. Если им не удастся его осалить, он может вернуться на свое место; игра продолжается. Если его осалят, он меняется местами с тем, кто опускал шарик.

Вытащи платок (Азербайджан)

Две команды (в каждой по пять-шесть играющих) становятся на некотором расстоянии друг против друга; между ними проводится черта. У каждого сзади за пояс заткнут платок. По жребию одна из команд становится водящей. По команде их соперники двигаются вперед (а водящие стоят на месте), переходят черту, и тут судья кричит «Огонь!». Шагнувшие вперед бросаются обратно, а водящие пытаются догнать их, чтобы вытащить из-за поясов платки. Затем команды меняются ролями. Побеждает та команда, которая захватит больше платков.

Хромая уточка (Украина)

Обозначают границы игровой площадки. Выбирают «хромую уточку», остальные произвольно размещаются на площадке, стоя на одной ноге, — согнутую в колене другую ногу придерживают сзади рукой. Услышав слова «Солнце разгорается, игра начинается», хромая уточка прыгает на одной ноге, стараясь осалить кого-нибудь из играющих. Потом осаленные помогают ей осалить других. Последний не осаленный становится хромой уточкой.

Вермеер

1634, 31 октября. В одной из церквей города Делфта была сделана запись о крещении младенца Яниса, в будущем прославленного на века Яна Вермеера Делфтского. Отец — по одной версии портной, по другой — ткач, выделывал ткань для портьер и обивки мебели, а также торговал картинами. О детстве и юности художника сведений не сохранилось. Предполагают, что учился Янис у Карела Фабрициуса, в свою очередь прошедшего школу Рембрандта. Предположения эти основаны на том, что в коллекции Вермеера были найдены после его смерти три полотна Фабрициуса; исследователи говорят о влиянии манеры Фабрициуса на ранние работы художника.

В Делфте во времена Вермеера жили Герард Терборх, приезжал навещать отца-пивовара Ян Стен, решает здесь обосноваться Питер де Хох — одни из лучших представителей голландской школы бытовой живописи. Конечно, Вермеер был с ними знаком, а может быть, и дружен. Ведь он для заработка занимался перепродажей картин, продолжив занятия отца.

1653. Вермеер венчается с Катариной Болнес, крестьянкой из предместья. Против свадьбы возражали родители невесты: они католики, Янис — протестант. Перешел ли жених в католичество, неизвестно, но венчание происходило в католическом храме. В том же храме крещены были и четырнадцать его детей.

1654. Пишет картину на библейскую тему «Христос в доме Марфы и Марии», по-видимому на заказ. Она красиво скомпонована, исполнена душевной теплоты в трактовке женщин, столь разных в своих характерах и жизненных устремлениях.

1655. Еще более привлекательно по цветовой гармонии и пластичности исполнение мифологического сюжета «Диана со спутницами». Несомненно влияние итальянской школы.

Все остальные известные нам полотна художника принадлежат к бытовому жанру, его сюжеты подсказаны повседневной жизнью, как, впрочем, у всех «малых голландцев». «Великая голландская школа, — пишет Эжен Фромантен в своей книге “Старые мастера”, — заботилась лишь о том, чтобы писать хорошо. Она удовлетворялась окружающим и не нуждалась в фантазии. Нагие фигуры, для которых уже не нашлось места в изображениях реальной жизни, исчезли. Древняя история, так же как и новая, была забыта...» Сюжеты в картинах голландцев повторяются, их не так много: крестьянские праздники с попойкой и драками («кермесы»); кабачок, где играют в карты и выпивают; сельские музыканты; сцена соблазнения (здесь может присутствовать сводня); семейная жизнь выглядит неприглядно: объятия, похожие на драку, детей секут, они кричат... Вермеер, следуя за Питером де Хохом, переносит действия своих картин в уютные комнаты голландских домов, когда интерьер определяет тему или сам становится темой. В большей части его полотен используется традиционный сюжет «соблазнения». Но вскоре сюжет сам по себе становится ему неинтересен.

1656. Пишет «У сводни». Традиционные персонажи: дородная женщина на первом плане, в одной руке у нее бокал, другую она протягивает за монетой; обнимающий ее кавалер в шляпе с перьями; с хищным любопытством у него из-за плеча выглядывает сводня... Художник не пытается морализировать. Похоже, больше всего его интересует не сюжет, а возможность устроить праздник цвета, колористическую вакханалию: ярко-желтое сочетается с алым и черным; на стол наброшена ковровая скатерть, и эти же, уже менее насыщенные цвета горят в причудливых узорах.

1656–1657. Два полотна — «Девушка, читающая письмо у окна» и «Офицер и смеющаяся девушка» — начинают серию «девушек у окна». Это все тот же сюжет соблазнения: перед открытым окном с частым переплетом (или с цветным витражом) дама или девица читает любовное послание, иногда рядом с ней фигура кавалера или служанка, передающая письмо. Это прелюдия соблазнения, всё только начинается. Из картины в картину повторяется мотив открытого окна и девушки, стоящей перед ним. Зачем этот повтор? Одна из многих загадок Вермеера. Может быть, потому, что теперь его главным героем становится свет. Свет врывается в его полотна и заливает пространство комнаты, он не просто освещает, но и создает это пространство, делает значительной каждую деталь, каждую складку, каждую линию и силуэт, он проникает в краску, озаряя ее изнутри. Светоносными становятся лица женщин и девушек. Иногда они наивны и простодушны, любовь их пугает, иногда смеются от счастья, разговаривая с кавалером; но чаще они задумчивы, выражения их лиц кажутся непонятными, загадочными. Это новеллы о любви.

1658–1660. Пишет «Молочницу». Здесь никакой любви. Служанка выливает молоко из кувшина в глиняную миску. Обыденная сценка из жизни. Но для Вермеера это момент, выхваченный у времени и остановленный на века. Отчетливость этого момента поразительна. Мы видим каждый шов на корсаже молочницы, складки на ее чепце, физически ощущаем фактуру ткани, черствость каравая хлеба, лежащего на столе, густоту льющегося молока. Полная иллюзия соприкосновения с реальностью.

1662–1671. Вермеер занимает почетную должность декана гильдии делфтских художников. Он пишет по две картины в год; за них дают хорошую цену меценаты и коллекционеры. Его приглашают в качестве эксперта для определения подлинности картин. Он славится как знаток искусства.

1665. В картине «Женщина, взвешивающая жемчуг» художник приоткрывает завесу таинственности некоторых своих новелл. За спиной у женщины картина, изображающая Страшный Суд. В руках у женщины весы. Что собирается она определить — не истинную ли цену, которой жемчуг был оплачен? Художник обращается к аллегории, к традиционной теме «Суета сует». Мрачный скепсис Экклезиаста примешивается к солнцу его полотен.

1670. В «Даме у клавесина» **(репродукция)** мрачные раздумья изгнаны. Амур (он изображен на картине, украшающей комнату) уже послал свою стрелу. Ожидание радости угадывается в глазах дамы. Но почему закрыто окно, и свет, остановивший мгновение, кажется тусклым?..

В последние годы художник еле сводил концы с концами, не мог расплатиться с долгами. Умирает он после недолгой болезни.

1675, 15 декабря. Вермеера хоронят в одной из церквей Делфта, в фамильном склепе. Вдова вынуждена отказаться от наследства, оно принадлежит кредиторам.

Вскоре после смерти Вермеер был забыт. В Эрмитаже прекрасная коллекция «малых голландцев», которых любил Петр I. И ни одного Вермеера. В книге Фромантена «Старые мастера», изданной в 1876 году, ни слова о Вермеере. Он был открыт в самом конце XIX века и сразу признан одним из великих художников, за полотна его назначались немыслимые цены.

Л. Осипова

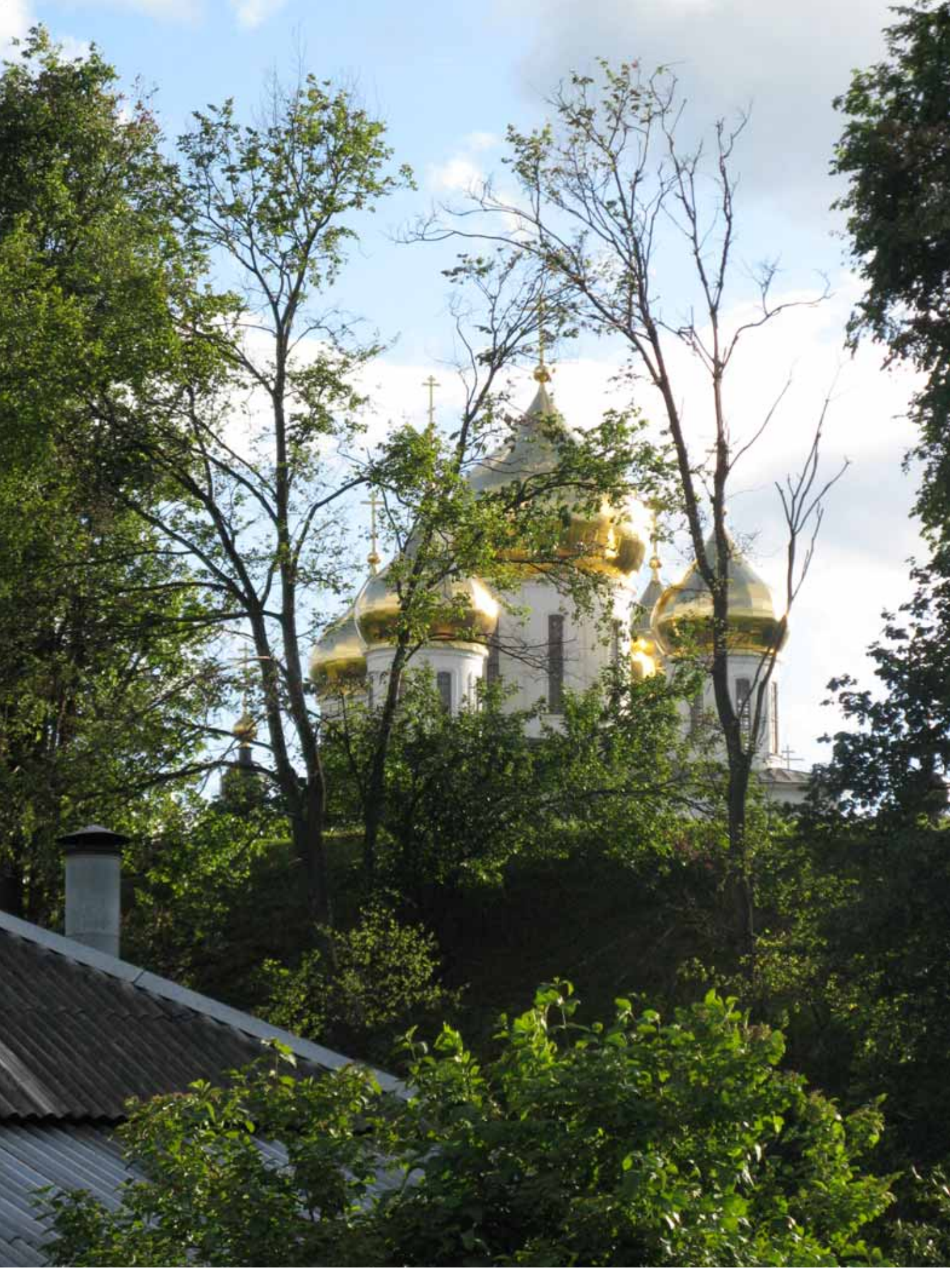


Фото Елены Боковой